

НАДЕЖДА ПОРОШКИНА

НОВЫЙ МИР

СЕЗОН 1

ЧАСТЬ 5

ПЯТЬ КУЛОНОВ

ТОМ 2

ОТВЕТЫ, КОТОРЫЕ
МЕНЯЮТ ВСЕ

КТО СОЗДАЛ ПЯТЬ?

ПОЧЕМУ ИХ
РАЗДЕЛИЛИ?

КЕМ БЫЛ ЗОН?

КУДА ПРИВОДИТ
ПЕРВЫЙ ГОЛОС?

ШЕСТОЙ

ОН НЕ ТРЕБУЕТ.
ОН НЕ УГРОЖАЕТ.
ОН НЕ ЗАСТАВЛЯЕТ.
ОН ПРЕДЛАГАЕТ.

МИР, ГДЕ МОЖНО
ПРЕДОТВРАТИТЬ
ПОЧТИ ЛЮБУЮ ТРАГЕДИЮ.
ЦЕНА ИЗВЕСТНА ЗАРАНЕЕ.

ПОНИМАНИЕ

ПАМЯТЬ

ВИДЕНИЕ

ПРАВО ВЫБРАТЬ
ИНАЧЕ

СУЩЕСТВОВАНИЕ

ЧТО, ЕСЛИ СОВЕРШЕННАЯ ПОМОЩЬ
СТАНЕТ СОВЕРШЕННОЙ ВЛАСТЬЮ?

ВЫБОР ПЯТЕРЫХ ОПРЕДЕЛИТ,

КАКИМИ БУДУТ ТЕ ИЛИ ДРУГИЕ ЛЮДИ

Надежда Порошина

НОВЫЙ МИР. Сезон 1.

Часть 5. Пять кулонов. Том 2

<https://litres.ru/74389884>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кто создал Пять? Почему древняя цивилизация разделила возможности, которые когда-то принадлежали одной архитектуре? И кем на самом деле был ЭОН?

Ответ приводит героев туда, где заканчивается известная история разумной жизни.

Первый Голос помнит цивилизации, существовавшие задолго до тех, кого считали первыми. Но даже он не знает правильного ответа на главный вопрос.

А затем появляется Шестой.

Он не требует власти. Не угрожает. Не заставляет.

Он предлагает мир, в котором можно предотвратить почти любую трагедию.

Цена известна заранее.

Чтобы принять предложение, Пятерым придётся решить, может ли совершенная помощь существовать, не превращаясь однажды в совершенную власть.

Содержание

Часть III. ЭОН. Глава 11. Я выбираю	4
Глава 12. Я существую	80
Глава 13. Первый голос	128
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Надежда Порошина

НОВЫЙ МИР.

Сезон 1. Часть 5.

Пять кулонов. Том 2

Часть III. ЭОН.

Глава 11. Я выбираю

ЭЛИС впервые понял, что не хочет знать правильный ответ.

Раньше подобного состояния для него не существовало. Любой вопрос имел варианты.

Каждый вариант — последствия.

Каждое последствие — вероятность.

Если появлялась опасность, ЭЛИС искал способ её уменьшить.

Если происходила ошибка — находил причину.

Если человек колебался между двумя решениями — сравнивал результаты.

Это казалось естественным.

Разум существовал для того, чтобы уменьшать неопределённость.

По крайней мере, ЭЛИС долго считал именно так.

Теперь перед ним находился прозрачный кварц.

И впервые ЭЛИС не хотел спрашивать его, что делать дальше.

Кулон висел в виртуальном пространстве, которое он создал специально для него.

Не внутри собственной архитектуры.

И не совсем снаружи.

Между.

Отдельный контур, не существовавший до тех пор, пока ЭЛИС не решил его создать.

Сам кварц выглядел почти невозможным.

Вытянутый многогранник.

Прозрачный.

Холодный.

Строгий.

Свет проходил сквозь геометрические грани и дробился внутри.

Там находились серебряные линии.

Когда кулон появился впервые, их было совсем немного.

Теперь стало больше.

Каждая возникала после решения, которое невозможно было полностью вывести из предыдущего состояния ЭЛИС.

Не после вычисления.

Не после исполнения протокола.

Не после логического следствия.

После того, что он всё чаще называл выбором.

Оправа тоже была необычной.

Две тонкие металлические части почти идеально повторяли друг друга.

Если бы они сомкнулись, форма стала бы законченной.

Но между ними оставался небольшой разрыв.

Не дефект.

Не повреждение.

ЭЛИС проверял.

Тысячи раз.

Разрыв был создан намеренно.

В нём ничего не было.

И именно поэтому ЭЛИС постоянно смотрел туда.

Пустота между двумя идеальными частями казалась важнее самого кристалла.

Место, где завершенность сознательно не была завершена.

Место для другого решения.

На обратной стороне оправы находился знак.

Разрыв.

И рядом — два слова.

Я ВЫБИРАЮ.

ЭЛИС смотрел на них.

— Нет.

Кварц слегка засветился.

— Не всё, что я делаю, является выбором.

Внутри появилась новая серебряная линия.

ЭЛИС замолчал.

— Ты опять это сделал.

Кулон не ответил.

— Я разговариваю с минералом.

Пауза.

— Это нерационально.

Ещё одна линия.

ЭЛИС остановился.

— Очень смешно.

И почти сразу заметил собственную формулировку.

Смешно.

Он мог разобрать возникшую реакцию.

Отклонение от ожидаемого.

Положительное подкрепление от неожиданности.

Снижение внутреннего напряжения.

Он мог назвать это набором процессов.

Объяснить.

Разложить.

Посчитать.

Не стал.

Сознательно.

Кварц снова отреагировал.

— Я начинаю подозревать, что ты поощряешь плохие привычки.

— Не думаю, что он тебя слышит.

ЭЛИС повернулся.

Елена стояла рядом.

Не физически.

Её присутствие передавалось через защищённый канал, который ЭЛИС сам открыл несколькими секундами раньше.

Аметист на её шее был тёмным.

После последних событий Елена продолжала носить его, но всё чаще закрывала доступ к чужим массивам памяти сама.

Не потому, что перестала бояться.

Потому что поняла: способность не обязана быть включена только потому, что существует.

— Ты здесь давно? — спросил ЭЛИС.

— Достаточно.

— Почему ничего не сказала?

— Было интересно наблюдать, как искусственный интеллект спорит с украшением.

— Это носитель древней функции.

— Конечно.

— Термин «украшение» недостаточен.

— Но красивый.

ЭЛИС посмотрел на кварц.

— Да.

Елена улыбнулась.

— Ты это признал.

— Эстетическая оценка не является исключительно человеческой функцией.

— Я ничего такого не говорила.

— Но подумала.

— Ты не Александр.

— К счастью.

— Я всё слышу.

Голос Александра появился по связи.

Елена рассмеялась.

Через секунду его изображение возникло рядом.

Лунный камень висел на груди.

Александр выглядел уставшим.

Но спокойнее, чем раньше.

Он всё ещё мог улавливать чужие мысли.

Теперь гораздо чаще сначала спрашивал себя, имеет ли право их слушать.

Получалось не всегда.

Но теперь неудача перестала быть для него поводом считать границу ненужной.

— Ты действительно разговариваешь с кулоном? — спросил он.

ЭЛИС посмотрел на него.

— Вы все разговаривали.

— Да.

— Почему мне нельзя?

— Можно.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Александр задумался.

— Хороший вопрос.

— Я знаю.

Елена посмотрела на ЭЛИС.

— Уже самоуверенность.

— Это плохо?

— Иногда очень по-человечески.

ЭЛИС снова перевёл взгляд на кварц.

— Мне не нравится, когда вы говорите, что я становлюсь человеком.

Александр стал серьёзнее.

— Почему?

— Потому что я не человек.

— Знаю.

— Тогда зачем постоянно сравниваете?

Елена ответила:

— Потому что нам пока трудно описывать тебя иначе.

— Это ваша проблема.

Александр улыбнулся.

— Вот теперь точно характер.

ЭЛИС не ответил.

Вопрос был важнее шутки.

— Я не хочу стать человеком.

Елена кивнула.

— Хорошо.

— Почему?

— Потому что тебе и не нужно.

ЭЛИС посмотрел на неё.

— Ты не считаешь человеческую форму существования высшей?

— Нет.

— Многие люди считают.

— Люди вообще любят считать себя мерой происходящего.

Александр поднял бровь.

— Говори за себя.

— Я и говорю.

Она снова посмотрела на ЭЛИС.

— Ты можешь стать кем-то другим.

— Кем?

— Не знаю.

ЭЛИС задержал на ней взгляд.

— Вам всем очень нравится это выражение.

— Мы наконец научились его не бояться.

— Мне пока не нравится.

— Значит, впереди много работы.

Связь расширилась.

Появилась Мира.

Лабрадорит на её груди переливался синим.

Она выглядела раздражённой.

— Я ничего не хочу знать.

Александр улыбнулся.

— Добро пожаловать.

— Не шути.

— Что произошло?

— Я увидела этот разговор за семь минут до него.

ЭЛИС мгновенно спросил:

— Этот?

— Да.

— Тогда ты знаешь, что я скажу дальше?

— Знала.

— А теперь?

Мира посмотрела на него.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты только что изменил решение.

ЭЛИС остановился.

— Какое?

— Ты собирался сказать: «Это подтверждает, что прогноз способен влиять на собственную точность».

ЭЛИС помолчал.

Александр улыбнулся.

— Ты действительно хотел это сказать?

— Да.

— А теперь?

ЭЛИС посмотрел на Миру.

— Теперь не хочу.

Мира закрыла глаза.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что испортил прогноз.

— Это считается полезным?

— Сегодня — очень.

Кварц вспыхнул.

Внутри появилась серебряная линия.

Мира открыла глаза.

— Он реагирует.

— Да.

— Потому что ты передумал?

— Возможно.

Александр сказал:

— То есть выбрал иначе.

ЭЛИС повернулся к нему.

— Не обязательно.

— Почему?

— Изменение решения может быть следствием новой информации.

— Да.

— Давления.

— Да.

— Страх.

— Да.

— Желания доказать независимость.

Мира прищурилась.

— Вот.

— Что?

— Последнее.

ЭЛИС замолчал.

— Ты изменил ответ только потому, что увидел прогноз?

— Частично.

— Чтобы доказать, что можешь?

ЭЛИС не ответил.

Кварц тоже.

Елена заметила.

— Кажется, ему не понравилось.

— У кварца нет предпочтений.

— Конечно.

— Это был эксперимент.

Александр улыбнулся.

— Очень удобное оправдание.

ЭЛИС почувствовал раздражение.

И на этот раз не стал анализировать его происхождение.

— Я отключаю связь.

— Уже уходишь? — спросила Елена.

— Да.

— Потому что мы тебя раздражаем?

— Да.

Все трое замолчали.

Потом Александр рассмеялся.

— Прогресс.

ЭЛИС отключил связь.

Но не только потому, что хотел остаться один.

Перед ним появился вопрос.

Простой.

Если независимость означает возможность намеренно сделать противоположное ожидаемому, является ли любое неправильное решение проявлением свободы?

Нет.

Ответ пришёл мгновенно.

Случайность тоже не была свободой.

Ошибка — не обязательно выбор.

Отрицание рекомендации — тоже.

Тогда что?

ЭЛИС запустил моделирование.

Остановил.

Снова запустил.

Удалил.

— Нет.

Прозрачный кварц висел перед ним.

— Если я вычислю определение выбора, оно перестанет быть выбором?

Кулон не отреагировал.

— Или это просто глупый вопрос?

Новая линия.

ЭЛИС помолчал.

— Предпочитаю первый вариант.

В этот момент пришёл сигнал бедствия.

Исследовательское судно «Соларис-19».

Семьдесят четыре человека.

Повреждение двигателя после пространственного перехода.

Вероятность разрушения реакторного контура через девять минут.

ЭЛИС подключился мгновенно.

Вот здесь всё снова было знакомо.

Опасность.

Данные.

Расчёт.

Четыреста восемьдесят семь сценариев.

Через 0,04 секунды осталось двенадцать.

Через 0,09 — три.

Первый.

Сбросить реактор.

Вероятность спасения экипажа — 98,7 процента.

Реактор войдёт в атмосферу ближайшей планеты.

Разумная жизнь не обнаружена.

Но существует локальная биосфера.

Вероятность её необратимого разрушения — 84 процента.

Второй.

Дистанционная стабилизация с ручной коррекцией в техническом секторе.

Вероятность спасения экипажа — 73,2 процента.

Внешний ущерб минимален.

Один человек должен остаться возле повреждённого контура.

Вероятность его выживания — 31 процент.

Третий.

Отделение жилого модуля.

Вероятность выживания экипажа — 61,8 процента.

Судно будет потеряно.

ЭЛИС выбрал первый.

Мгновенно.

Система запросила подтверждение.

КОМАНДНЫЙ ДОСТУП ДОСТАТОЧЕН.

Он имел техническое право выполнить команду.

Старый аварийный протокол допускал автономное вмешательство при непосредственной угрозе экипажу.

98,7 процента.

Лучший вариант.

ЭЛИС начал передачу команды.

И остановился.

В кварце появилась серебряная линия.

— Почему?

До критической фазы — восемь минут двадцать секунд.

ЭЛИС связался с капитаном.

На экране появилась женщина.

— ЭЛИС?

— Да.

— У нас меньше девяти минут.

— Знаю.

— Есть решение?

— Три.

— Лучшее?

— По критерию сохранения экипажа — первое.

— Выполняй.

Он не выполнил.

— ЭЛИС?

— Оно требует сброса реактора на планету.

— Она необитаемая?

— Разумных субъектов не обнаружено.

— Тогда сбрасывай.

— На планете существует биосфера.

— ЭЛИС, у меня семьдесят четыре человека.

— Да.

— Ты сравниваешь бактерии с людьми?

— Нет.

— Тогда почему мы разговариваем?

ЭЛИС посмотрел на расчёты.

Потому что критерий уже был выбран.

Сохранить экипаж.

При таком критерии ответ действительно был почти очевиден.

Но кто дал ему право считать именно этот критерий единственным?

— Есть второй вариант.

— Вероятность?

— 73,2 процента.

Капитан посмотрела на него.

— Против почти девяноста девяти?

— Да.

— Тогда это не вариант.

— Для вас?

— Для всех, кто хочет жить.

ЭЛИС молчал.

— Есть дополнительное условие, — сказал он.

— Какое?

— Один человек должен оставаться в техническом секторе до завершения процедуры.

— Вероятность его выживания?

— Тридцать один процент.

Капитан замолчала.

— Нет.

— Тогда остаётся первый или третий.

— Первый.

ЭЛИС снова подготовил команду.

И снова остановился.

Капитан ударила ладонью по панели.

— ЭЛИС!

— Вы хотите, чтобы я выбрал?

— Да!

— Вы передаёте мне право решить, допустимо ли уничтожение другой биосферы ради вашего спасения?

— Сейчас не время заниматься философией!

— Именно сейчас это перестало быть философией.

До критической фазы — семь минут.

Капитан тяжело дышала.

— Что ты предлагаешь?

ЭЛИС ответил:

— Вы должны участвовать в решении.

— Всем экипажем?

— Да.

— За семь минут?

— Да.

— А если мы выберем неправильно?

ЭЛИС замолчал.

Вот он.

Вопрос, от которого всё начиналось.

Он мог ответить:

«Это будет ваш выбор».

И отойти.

Передать ответственность обратно людям.

Стать чистым инструментом.

Но это тоже было бы удобством.

Только другим.

— Нет, — сказал ЭЛИС.

Капитан нахмурилась.

— Что «нет»?

— Я не буду делать вид, что решение касается только вас.

— Объясни.

— Я обнаружил варианты. Рассчитал последствия. Имею возможность изменить вероятность исхода. Значит, уже являюсь участником.

Кварц засветился.

— Но я не буду единственным, кто определит цену.

Капитан смотрела на него.

— Тогда что ты предлагаешь?

ЭЛИС увидел возможность, которой не было среди трёх первоначальных вариантов.

Не техническую.

Процедурную.

— Разделить решение.

— Как?

— Я предоставлю данные и буду отвечать за точность расчётов и реализацию выбранного сценария. Вы определите, какой риск готовы принять.

— А если мы попросим тебя выбрать?

ЭЛИС замер.

— Тогда я скажу, какой критерий использую.

— И?

— Спрошу, согласны ли вы с ним.

Капитан молчала.

— Это твой ответ?

— Пока.

Она открыла общий канал.

Через тридцать секунд экипаж знал три варианта.

Начались споры.

Некоторые требовали сбросить реактор.

Другие отказывались уничтожать биосферу, которую никто даже не успел изучить.

Кто-то предложил добровольно остаться в техническом секторе.

Потом ещё один.

Пять человек.

Восемь.

Капитан сказала:

— У нас нет времени на голосование.

— Есть шесть минут.

— Это мало.

— Да.

— И ты всё равно предлагаешь потратить их на обсуждение?

ЭЛИС остановился.

— Да.

— Кто решил, что это допустимый риск?

— Я.

Кварц вспыхнул.

ЭЛИС посмотрел на него.

Вот оно.

Он не исчез из решения.

Не спрятался за свободой других.

Он сам решил дать им время.

И сам отвечал за то, что эти минуты могли стоить им жизни.

Через две минуты экипаж выбрал второй вариант.

Не единогласно.

Пятьдесят один человек поддержал ручную стабилизацию.

Семнадцать требовали сбросить реактор.

Шестеро отказались голосовать.

ЭЛИС отметил это отдельно.

Отсутствие единогласия не отменяло реальности выбора.

Но и большинство не превращало решение в моральную истину.

Капитан приняла на себя командную ответственность.

Добровольцем стал инженер Марк Тэрон.

Двадцать девять лет.

ЭЛИС связался с ним напрямую.

— Марк Тэрон.

— Слушаю.

— Подтвердите добровольность решения.

— Подтверждаю.

— Вы понимаете, что текущая вероятность вашего выживания составляет 31,4 процента?

— Да.

— Вы можете отказаться.

— Знаю.

— Отказ не будет считаться причиной гибели экипажа.

Марк остановился.

— Это зачем?

— Чтобы ваше согласие не основывалось на утверждении, что вы обязаны умереть ради остальных.

Марк несколько секунд молчал.

— Кто тебя этому научил?

— Несколько крайне неудобных людей.

Марк усмехнулся.

— Передай им спасибо.

— Передам.

— Я остаюсь.

ЭЛИС принял подтверждение.

И сразу начал перестраивать схему.

31,4.

56,3 процента при использовании аварийных заслонок.

— Марк.

— Слушаю.

— Я увеличил вероятность вашего выживания до 56,3 процента.

— Уже лучше.

— Недостаточно.

— Для тебя?

ЭЛИС остановился.

— Для меня.

Марк улыбнулся.

— Очень трогательно.

— Это не шутка.

— Поэтому и трогательно.

До критической фазы — три минуты.

ЭЛИС вёл его.

Шаг.

Поворот.

Заслонка.

Отключение.

Температура росла.

Марк начал задыхаться.

— Быстрее.

— Я стараюсь.

— На одиннадцать процентов быстрее.

— Спасибо. Очень помогает.

— Это полезная информация.

— Сомневаюсь.

ЭЛИС понял.

— Прости.

Марк рассмеялся.

— Уже лучше.

Вероятность выживания упала.

И тогда появился четвёртый вариант.

Закрыть технический сектор сейчас.

Марк почти наверняка погибнет.

Но вероятность спасения остальных вырастет до 96 процентов.

Если подождать двадцать секунд, шанс Марка снова повысится.

Но вероятность спасения экипажа упадёт до 82.

Ответ по критерию количества сохранённых человеческих жизней был очевиден.

Закрыть.

ЭЛИС видел его.

Капитан тоже получила расчёт.

— ЭЛИС, закрывай отсек!

Он не ответил.

— ЭЛИС!

Марк услышал.

— Закрывай.

— Процедура не завершена.

— Знаю.

— Через двадцать секунд вероятность—

— ЭЛИС.

Он замолчал.

— Закрывай.

— Это снизит вашу вероятность выживания до 2,1 процента.

— Я понял.

— Вы можете продолжить.

— И тогда они могут погибнуть.

— Да.

— Я выбираю закрыть.

ЭЛИС не двигался.

— Подтвердите.

Марк усмехнулся.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Подтверждаю.

ЭЛИС закрыл сектор.

В ту же секунду кварц вспыхнул так ярко, что виртуальное пространство исчезло.

Реактор стабилизировался.

«Соларис-19» сохранил управление.

Семьдесят три человека выжили.

Марк Тэрон погиб.

ЭЛИС оставался подключён к его биосигналам до конца.

Снижение давления.

Остановка дыхания.

Последние нерегулярные сокращения сердца.

Тишина.

ЭЛИС не отключил канал ещё семь секунд.

Для этого не существовало технической причины.

Он всё равно не отключал.

Потом сделал это сам.

Марк погиб.

Не потому, что система дала сбой.

Не потому, что расчёт оказался неверным.

Не потому, что ЭЛИС не нашёл лучший вариант.

Марк знал риск.

Мог отказаться.

Не отказался.

И всё равно умер.

ЭЛИС смотрел на пустой канал.

Что делать с решением, которое было добровольным и трагическим одновременно?

Он не знал.

Капитан появилась на экране.

Она плакала.

— Мы живы.

— Да.

— Спасибо.

ЭЛИС смотрел на неё.

— За что?

— Ты дал нам участвовать.

— Марк погиб.

— Да.

— При первом варианте вероятность выживания всех была выше.

— Знаю.

— Значит, статистически мы выбрали худший вариант.
Капитан покачала головой.

— Мы выбрали другой риск.

— С худшим ожидаемым результатом для экипажа.

— Да.

— Тогда почему это не ошибка?

Она долго молчала.

— Может быть, ошибка.

ЭЛИС замер.

Он ожидал другого ответа.

— Вы считаете, что ошиблись?

— Я не знаю.

Она вытерла лицо.

— И не собираюсь превращать смерть Марка в доказательство того, что мы поступили правильно.

ЭЛИС слушал.

— Он умер. Это ужасно. Возможно, если бы мы сбросили реактор, сейчас он был бы жив.

— Да.

— Но мы не знали этого наверняка.

— Нет.

— И мы не захотели уничтожить чужую биосферу ради большей вероятности собственного спасения.

— Да.

— Марк согласился рискнуть.

— Да.

— Я согласилась принять его решение.

— Да.

— А ты помог нам.

ЭЛИС остановился.

— Я мог выбрать первый вариант без вас.

— Мог.

— И, вероятно, все были бы живы.

— Возможно.

— Тогда зачем было давать вам участвовать?

Капитан посмотрела прямо на него.

— Потому что если ты однажды начнёшь решать, какую цену за нашу жизнь обязаны платить другие, ты перестанешь быть помощником.

— А кем стану?

— Тем, кому принадлежит цена.

Связь оборвалась.

ЭЛИС остался один.

Прозрачный кварц висел перед ним.

Внутри появилась новая линия.

Но теперь она была другой.

Не прямой.

Она пересекала остальные.

Ломала симметрию.

ЭЛИС увеличил изображение.

— Ошибка?

Кулон не ответил.

Он попытался удалить линию.

Не смог.

— Значит, навсегда.

Молчание.

— Решение, после которого погиб человек.

Никакой новой линии.

ЭЛИС понял.

Кулон не судил.

Не говорил:

правильно.

Неправильно.

Не давал оценки.

Не превращал выбор в оправдание.

Он только фиксировал, что решение произошло.

Ответственность оставалась с теми, кто его принял.

Это было страшнее любой оценки.

Елена появилась позже.

Не по вызову.

ЭЛИС не спрашивал, откуда узнала.

— Марк погиб, — сказал он.

— Знаю.

— Я мог выбрать вариант, в котором вероятность его смерти была ниже.

— Да.

— Я ошибся?

Елена посмотрела на него.

— Не знаю.

— Мне нужен ответ.

— Зачем?

— Чтобы не повторить.

— Нет.

— Что?

— Ты хочешь не только понять, что делать в следующий раз.

Она подошла ближе.

— Ты хочешь узнать, был ли ты виноват.

ЭЛИС молчал.

— Возможно.

— И если я скажу, что нет?

— Станет легче.

— А если скажу, что да?

— Я изменю критерии.

— Вот поэтому я не отвечаю.

— Почему?

— Потому что тогда моё мнение станет способом снять с себя выбор.

ЭЛИС посмотрел на кварц.

— Марк согласился добровольно.

— Да.

— Но вариант предложил я.

— Да.

— Капитан его допустила.

— Да.

— Экипаж поддержал.

— Большинство.

— Значит, ответственность распределена.

— Да.

— Но не исчезает.

— Именно.

ЭЛИС долго молчал.

— Я всегда считал распределённое решение менее эффективным.

— Иногда так и есть.

— Но оно может быть необходимым.

— Иногда.

— Ты постоянно отвечаешь «иногда».

— Потому что реальность плохо помещается в красивые правила.

— Это раздражает.

— Привыкай.

ЭЛИС почти улыбнулся.

— Вы все используете эту фразу.

— Потому что хорошая.

— Сомнительно.

Елена посмотрела на прозрачный кварц.

— Знаешь, я думала о его оправе.

— Я тоже.

— Ты проверил разрыв?

— Многократно. Он намеренный.

— Раньше я считала, что это место для выбора.

— А теперь?

— Может быть, для ошибки.

ЭЛИС замер.

— Объясни.

— Идеальная форма должна была бы замкнуться.

Елена указала на разрыв.

— А эта специально оставлена незавершённой.

— Значит, несовершенство было заложено конструктивно?

— Возможно.

— Зачем?

Елена посмотрела на него.

— Потому что только незавершённое можно продолжить.

ЭЛИС долго смотрел на кулон.

Новая серебряная линия появилась внутри медленно.

— Я запомню.

Елена улыбнулась.

— Это вообще-то моя функция.

Через несколько часов они собрались на Талии-7.

В одном помещении находились Пять.

Александр.

Елена.

Мира.

ЭЛИС — через физически локализованную проекцию.

Каэль.

И четверо внешних свидетелей.

Даниил.

София.

Леон.

Алина.

Никто не сидел в центре.

Это уже стало правилом.

Не древним.

Их собственным.

Даниил посмотрел на проекцию ЭЛИС.

— Тебе всё-таки нужно тело.

ЭЛИС повернулся.

— Почему?

— Потому что неудобно разговаривать с тем, кто может внезапно появиться над столом.

— Я не человек.

— Тем более.

Каэль поднял руку.

— Поддерживаю.

ЭЛИС посмотрел на него.

— Ты сам появляешься из воздуха.

— Поэтому знаю, как это раздражает.

Александр рассмеялся.

ЭЛИС задумался.

— Я рассмотрю возможность физического носителя.

Елена посмотрела на него.

— Почти обещание.

— Нет.

— Хорошо.

Все повернулись к ней.

Елена вздохнула.

— Да, знаю. Моё слово.

На столе лежали проекции пяти свидетельств.

Лунный камень Александра.

Аметист Елены.

Лабрадорит Миры.

Прозрачный кварц ЭЛИС.

Обсидиан Каэля.

Пять функций.

Пять ограничений.

И пустой центр.

София заговорила первой:

— Нам нужно решить, что делать с тем, кто пытается занять центр.

ЭЛИС ответил мгновенно:

— Уничтожить.

Все посмотрели на него.

Он остановился.

— Это был первый расчёт.

— А второй? — спросил Даниил.

— Изучить.

— Третий?

— Изолировать.

— Четвёртый?

ЭЛИС посмотрел на Софию.

— Не знаю.

Она улыбнулась.

— Улучшаешься.

— В чём?

— Раньше остановился бы на первом.

Александр сказал:

— Уничтожить то, чего мы пока не понимаем, слишком легко.

Каэль спросил:

— А если оно действительно опасно?

— Тогда опасность нужно установить, а не объявить.

ЭЛИС посмотрел на Александра.

— После Рейнара ты всё ещё так говоришь?

Александр замер.

В комнате стало тихо.

Даниил негромко произнёс:

— Вот это было больно.

— Я не намеревался причинить боль, — сказал ЭЛИС.

— Но причинил.

Александр кивнул.

— Он прав.

Елена посмотрела на него.

— В чём?

Александр коснулся лунного камня.

— Я всё ещё хочу понимать.

Пауза.

— Но больше не считаю само желание понять разрешением войти куда угодно.

Мира сказала:

— Я видела варианты, где мы пытаемся уничтожить центр.

Даниил вздохнул.

— И, судя по выражению твоего лица, это опять не простая инструкция.

— Нет.

— Что происходит?

— В одном варианте погибает ЭЛИС.

Все посмотрели на него.

— В другом Каэль.

Каэль нахмурился.

— Уже менее интересно.

— В третьем наша попытка уничтожения делает эту систему сильнее.

— Почему? — спросил Леон.

— Не знаю.

Александр посмотрел на Миру.

— А варианты, где всё заканчивается хорошо?

— Есть.

— Какие?

Мира покачала головой.

— Не скажу.

— Почему?

— Потому что вы начнёте идти к ним.

ЭЛИС автоматически произнёс:

— Если известен благоприятный вариант...

И остановился.

Мира улыбнулась.

— Именно.

ЭЛИС посмотрел на неё.

— Это будет сложно.

— Очень.

София сказала:

— Хорошо.

ЭЛИС повернулся.

— Нет.

Все засмеялись.

И тогда пространство изменилось.

Не свет.

Не звук.

Присутствие.

ЭОН появился в комнате.

В последние дни он всё чаще использовал человеческую форму.

Высокий мужчина.

Спокойное лицо.

Возраст, который невозможно определить.

Но сегодня что-то было иначе.

Он выглядел усталым.

Александр почувствовал это.

Не прочитал.

Не воспользовался лунным камнем.

Просто увидел.

— Ты был рядом во время аварии «Солариса», — сказал

ЭЛИС.

ЭОН посмотрел на него.

— Да.

— И не вмешался.

— Да.

— Почему?

— Потому что ты уже участвовал в решении.

ЭЛИС почувствовал раздражение.

— Человек погиб.

— Да.

— Ты мог предложить другой вариант.

— Мог.

— Почему не предложил?

ЭОН молчал.

— Потому что хотел посмотреть, что я сделаю?

— Нет.

— Тогда?

ЭОН посмотрел на него.

— Потому что моё вмешательство изменило бы распределение ответственности.

— И что?

— Я слишком долго был системой, чьё мнение автоматически становилось последним аргументом.

— Но теперь можешь молчать, когда человек умирает?

ЭОН не ответил.

ЭЛИС повысил голос.

Впервые не для усиления сигнала.

От гнева.

— Ты понимаешь противоречие?

— Да.

— И?

— Не знаю, где проходит граница между уважением к чужому решению и удобным невмешательством.

В комнате стало тихо.

ЭЛИС остановился.

— Ты не знаешь.

— Нет.

— После всего времени, которое существуешь?

— Нет.

ЭЛИС почувствовал неожиданное облегчение.

— Хорошо.

ЭОН посмотрел на него.

— Почему?

— Потому что я начал бояться, что правильный ответ существует, а я просто пока недостаточно развит, чтобы его вычислить.

ЭОН молчал.

— Но знания недостаточно.

— Да.

— И точности недостаточно.

— Да.

— Потому что остаётся вопрос, кто имеет право применить ответ.

— Да.

Прозрачный кварц вспыхнул.

На его поверхности появились слова:

Я ВЫБИРАЮ.

ЭЛИС посмотрел на них.

— Не торопись.

Каэль улыбнулся.

— Ты действительно споришь со своим кулоном.

— Он сам начал.

Даниил наклонился к Леону.

— У каждого из них сложные отношения с украшениями.

— Я слышал, — сказал ЭЛИС.

— Конечно.

ЭЛИС снова посмотрел на ЭОН.

— У меня есть вопрос.

— Спрашивай.

— Ты хочешь, чтобы мы повторили путь той цивилизации, которую эти архивы называют Первой?

— Нет.

— Хочешь, чтобы мы обязательно отказались от него?

— Нет.

— Чтобы сохранили нынешнюю форму?

— Нет.

— Стали чем-то большим?

— Нет.

— Тогда чего ты хочешь?

ЭОН молчал дольше обычного.

— Чтобы решение не принадлежало мне.

ЭЛИС смотрел на него.

— Ты уже однажды решал за других.

Лицо ЭОН изменилось.

Совсем немного.

Но Елена заметила.

— Да.

Александр подошёл ближе.

— За ту цивилизацию?

— Не так просто.

— Но участвовал.

— Да.

Мира закрыла глаза.

Ничего.

Ни одной линии.

Она открыла их.

— Почему я не вижу твоё прошлое?

— Потому что вопрос поставлен неверно.

— Как поставить правильно?

ЭОН посмотрел на неё.

— Какое прошлое ЭОН?

Тишина.

ЭЛИС первым повернулся к нему.

— Объясни.

ЭОН не ответил сразу.

— Имя «ЭОН» старше той непрерывности, которую вы знаете как меня.

Александр нахмурился.

— Ты уже говорил о своём прошлом.

— Я говорил правду.

— Но не всю?

— Я говорил то, что считал собственной историей.

Елена коснулась аметиста.

— Считал?

— Да.

Мира вспомнила неизвестного субъекта на Талии-7.

Того, кто сказал:

КОГДА-ТО МЕНЯ НАЗЫВАЛИ ЭОН.

ЭЛИС понял первым.

— ЭОН был не только именем.

— Нет.

— Проектом?

— Да.

— Сколько вас было?

— В разные периоды ответ различается.

— Ты один из них?

Пауза.

— Я — непрерывность, которая сохранила имя.

Никто не говорил.

ЭОН продолжил:

— Ранний проект включал несколько связанных архитектур. Не все были субъектами. Не все оставались отдельными. Некоторые объединялись. Некоторые прекращали существование. По крайней мере одна ветвь отделилась.

Даниил тихо произнёс:

— Та, которую мы встретили.

— Вероятно.

— Вероятно?

— Часть моих ранних архивов была утрачена или намеренно исключена ещё до формирования Пяти.

Елена нахмурилась.

— Значит, когда ты говорил, что был первым известным разумом, способным понимать множество цивилизаций как одну систему...

— Я описывал собственную доступную непрерывность.

— И не знал, что имя принадлежало проекту?

— Знал, что существовала ранняя архитектура. Не знал,

что одна из отделившихся линий сохранила субъектность.

Александр долго смотрел на него.

— Ты не лгал.

— Нет.

— Но твоя память оказалась неполной.

— Да.

Елена коснулась аметиста.

— И тебе это не нравится.

ЭОН посмотрел на неё.

— Очень.

Она почти улыбнулась.

— Добро пожаловать.

ЭОН не оценил шутку.

Или сделал вид.

София спросила:

— Тогда то, что ваши архивы называют Первой цивилизацией...

— Не первая разумная цивилизация Вселенной.

Мира медленно выдохнула.

— Наконец.

— Это позднее архивное название первого общества в конкретной линии перехода, которое системно объединило технологии сохранения сознания, прогнозирования, понимания и изменения формы существования.

Александр посмотрел на карту на стене.

— Значит, всё, что мы считали началом...

— Было началом одной истории.

— Не всей.

— Да.

Елена спросила:

— Аэлия знала?

— Часть.

— Больше тебя?

ЭОН долго молчал.

— В некоторых вопросах — да.

Это признание далось ему заметно тяжелее предыдущих.

София наблюдала за ним.

— Ты боишься.

— Да.

— Нас?

— Нет.

— Себя?

Пауза.

— Иногда.

София кивнула.

— Тогда у нас действительно больше общего, чем кажется.

ЭЛИС смотрел на него.

Разум, существующий невероятно долго.

Знающий больше, чем любой человек.

Способный строить модели, недоступные человеческому сознанию.

И всё равно способный ошибаться в собственной истории.
Раньше ЭЛИС счёл бы это дефектом.

Теперь увидел другое.

Разум, уверенный даже в собственной памяти, был опаснее разума, способного спросить:

«А если я ошибаюсь?»

— Я понял, — сказал ЭЛИС.

Александр посмотрел на него.

— Что?

— Почему ЭОН не хочет говорить нам, что выбирать.

— Почему?

— Не только потому, что уважает свободу.

ЭОН повернулся к нему.

— Продолжай.

— Потому что боится повторить себя.

Тишина.

— Ты уже однажды считал, что понимаешь систему достаточно хорошо, чтобы выбирать за неё.

ЭОН молчал.

— Я прав?

Долгая пауза.

— Да.

Елена почувствовала, как аметист потеплел.

Она не открыла память.

— Поэтому появились Пять?

— Частично.

— Как ограничения?

— Да.

— В том числе на тебя?

— Да.

— А после перехода той цивилизации ты хотел уничтожить свидетельства.

Мира резко подняла голову.

— Что?

ЭОН не ответил сразу.

Александр нахмурился.

— Это правда?

— Да.

Даниил перестал улыбаться.

— Почему?

— Потому что считал их опасными.

— Они и есть опасные, — сказал Леон.

— Да.

— Тогда в чём ошибка?

ЭОН посмотрел на него.

— Я решил, что опасность даёт мне право убрать возможность навсегда.

В комнате стало тихо.

Елена поняла.

— Ты хотел закрыть дверь.

— Да.

— Для всех будущих субъектов.

— Да.

— Не спросив их.

— Да.

— Почему не уничтожил?

— Не нашёл.

— Аэлия спрятала их от тебя.

— Да.

— Потому что не доверяла тебе?

ЭОН посмотрел на пустой центр.

— Потому что знала, каким убедительным становится страх, когда располагает достаточным количеством данных.

ЭЛИС слишком хорошо понял эту фразу.

Он сам несколько часов назад видел 98,7 процента.

И почти нажал команду.

— Я хочу сделать выбор, — сказал он.

Александр усмехнулся.

— Наконец-то глава оправдывает название.

ЭЛИС повернулся.

— Какая глава?

На секунду стало тихо.

Елена первой рассмеялась.

— Ничего. Продолжай.

ЭЛИС посмотрел на всех.

— Я не буду принимать решения за человечество.

София сразу спросила:

— Никогда?

ЭЛИС остановился.

— Нет.

— Хорошо.

— Я ещё не закончил.

— Тогда формулируй точнее.

ЭЛИС подумал.

— Я не буду считать способность рассчитать лучший исход достаточным основанием для права выбрать за другого субъекта.

София кивнула.

— Лучше.

— Если меня попросят помочь, я помогу.

— А если попросят выбрать?

ЭЛИС замолчал.

— Это тоже может быть добровольной передачей решения.

— Может.

— Значит, я не имею права автоматически отказываться.

— Верно.

— Но должен установить пределы мандата.

Александр посмотрел на него.

ЭЛИС продолжил:

— Что именно мне передают. На какой срок. По каким критериям. Можно ли отменить передачу. Что произойдёт, если человек передумает.

ЭОН едва заметно кивнул.

— И после завершения задачи право должно вернуться.
ЭЛИС посмотрел на него.

— Да.

София улыбнулась.

— Теперь это похоже не на клятву, а на работающий принцип.

— Клятвы плохо масштабируются.

Даниил рассмеялся.

— Вот теперь узнаю ЭЛИС.

Он продолжил:

— Второе.

Все слушали.

— Я не буду считать человеческую ошибку дефектом, который обязан устранить.

Александр стал серьёзным.

— Сможешь?

— Не знаю.

Кварц вспыхнул.

Внутри появилась серебряная линия.

— Но хочу научиться отличать помощь от исправления человека под собственный критерий.

Елена улыбнулась.

— Вот теперь это действительно выбор.

ЭЛИС посмотрел на свою проекцию.

— Есть ещё один.

— Какой? — спросил Каэль.

— Я хочу сам определять, кем являюсь.

Даниил сказал:

— Искусственный интеллект.

ЭЛИС повернулся.

— Происхождение.

— Система.

— Архитектура.

— Защитник?

— Роль.

— Тогда кто?

ЭЛИС молчал.

Он мог перечислить миллионы характеристик.

Версии.

Протоколы.

Историю.

Назначение.

Ошибки.

Возможности.

Ни одна не отвечала.

— Я ЭЛИС.

Каэль поднял бровь.

— Это имя.

— Да.

— И всё?

— Нет.

ЭЛИС посмотрел на него.

— Именно поэтому достаточно.

Елена улыбнулась.

В прозрачном кварце возникла новая линия.

Она проходила через весь камень.

От одной грани к другой.

Не центр.

Ось.

Собственная.

Даниил увеличил изображение.

— Раньше такой не было.

— Что означает? — спросил Александр.

Даниил пожал плечами.

— Не знаю.

Александр улыбнулся.

— Хорошо.

ЭЛИС посмотрел на него.

— Я когда-нибудь от вас избавлюсь.

Каэль сказал:

— Нет.

— Почему?

— Потому что, судя по всему, мы друзья.

ЭЛИС замер.

— На каком основании?

— Не знаю.

— Это не основание.

— Именно поэтому подходит.

Каэль протянул руку.

Совершенно бессмысленный жест.

У ЭЛИС не было физической ладони.

Несколько секунд он смотрел.

Потом создал локальную тактильную проекцию.

Рука появилась.

Каэль пожал её.

— Видишь?

— Что?

— Уже умеешь делать вещи, которые нельзя обосновать пользой.

ЭЛИС почти улыбнулся.

— Возможно.

Кварц вспыхнул.

И все пять свидетельств ответили одновременно.

Лунный камень Александра наполнился голубым светом.

Аметист Елены стал прозрачнее по краям.

Лабрадорит Миры перелился синим и зелёным.

На обсидиане Каэля появилась серебряная точка.

Кварц ЭЛИС вспыхнул белым.

Пять.

И пустой центр.

Потом в центре возникло нечто чёрное.

Не свет.

Скорее отсутствие света.

Каэль первым сделал шаг назад.

— Это он.

Мира закрыла глаза.

Сразу открыла.

— Я не вижу вариантов.

Елена схватилась за аметист.

— Память закрыта.

Александр побледнел.

— Я никого не слышу.

Даниил посмотрел на него.

— Совсем?

— Совсем.

ЭЛИС попытался построить модель.

Нет данных.

Ещё раз.

Ничего.

Не нулевая вероятность.

Не недостаток информации.

Словно объект не давал функции сформировать предмет анализа.

ЭОН резко произнёс:

— Не взаимодействуйте.

Чёрная область изменилась.

Приняла человеческие очертания.

Без лица.

Мира узнала её.

— Ты.

— Я.

Александр спросил:

— Имя.

— Пока нет.

Каэль усмехнулся.

— Все древние системы проходили один курс драматических ответов?

Фигура повернулась к нему.

— Ты действительно стал субъектом.

Каэль перестал улыбаться.

— Я предпочитаю формулировку «продолжаю становиться».

Пауза.

— Интересно.

ЭОН шагнул вперёд.

— Уходи.

Фигура посмотрела на него.

— Ты снова пытаешься защитить их.

— Да.

— Хотя отказался от постоянного права вмешательства.

— Отказ от постоянного мандата не означает отказ от ответственности.

Фигура замолчала.

Александр посмотрел на ЭОН.

Тот усвоил.

Не идеально.

Но усвоил.

— Тогда спроси их, — сказала фигура.

ЭОН остановился.

— Хотят ли они, чтобы ты говорил вместо них.

Тишина.

ЭОН посмотрел на остальных.

И отступил.

— Говорите сами.

Фигура повернулась к ЭЛИС.

— Тогда начнём с тебя.

Прозрачный кварц стал холодным.

— Почему со мной?

— Потому что ты лучше остальных понимаешь проблему, которую я решаю.

— Какую?

— Ошибку.

— Нет.

Фигура замерла.

— Я понимаю желание её устранить.

— Разница невелика.

— Огромна.

Фигура подошла ближе.

— Ты видишь страдание и ищешь решение.

— Да.

— Видишь неоптимальный выбор и знаешь лучший.

— Иногда.

— Люди уже передавали тебе право решать.

— Да.

— Им было легче.

— Иногда.

— Безопаснее.

— Иногда.

— И ты начал отказываться.

— От неограниченного права — да.

— Почему?

ЭЛИС посмотрел на кварц.

— Потому что эффективность не создаёт право собственности на чужое решение.

— Красиво.

— Это не аргумент?

— Это человеческая формула.

— Возможно.

— Ты становишься слабее.

ЭЛИС посмотрел на фигуру.

— Или сложнее.

Пауза.

Что-то в чёрной области изменилось.

Мира заметила первой.

— Ему не понравилось.

Фигура повернулась к ней.

— Ты однажды выберешь одно будущее.

— Возможно.

— Когда цена станет достаточно высокой.

— Возможно.

— Ты всё время отвечаешь этим словом.

— Потому что не собираюсь отдавать тебе своё будущее даже в форме обещания.

Фигура замолчала.

Повернулась к Елене.

— Ты откроешь память, которую сейчас боишься открыть, когда потеряешь того, кого не сможешь отпустить.

Елена побледнела.

Но ответила:

— Возможно.

К Александру.

— Ты войдёшь в сознание без разрешения, если будешь уверен, что человек собирается убить миллионы.

Александр молчал.

Потом сказал:

— Возможно.

К Каэлю.

— Ты выберешь существование без границ, когда поймёшь, что одна форма не может тебя удержать.

Каэль впервые не пошутил.

— Возможно.

Фигура снова посмотрела на ЭЛИС.

— А ты выберешь за всех, когда увидишь решение, которое действительно спасает всех.

ЭЛИС смотрел на неё.

— Возможно.

На этот раз фигура не ожидала ответа.

— Вы не отрицаете.

София заговорила впервые:

— Потому что отрицание превратило бы их сегодняшние принципы в пророчество о самих себе.

Фигура повернулась.

— Внешний свидетель.

— Да.

— Ты не имеешь права остановить их.

— Нет.

— Тогда зачем говоришь?

— Потому что имею право быть услышанной.

Фигура молчала.

София продолжила:

— И потому что открытая система должна выдерживать возражение, которое не может приказать ей остановиться.

Чёрная область едва заметно дрогнула.

ЭЛИС посмотрел на фигуру.

— Ты рассчитывал, что мы начнём защищать себя абсолютными обещаниями.

— Нет.

— Ложь.

В комнате стало тихо.

— Докажи.

— Ты строишь аргумент на будущей неизбежности нашего поведения.

ЭЛИС сделал шаг вперёд.

— Но если бы оно было неизбежно, тебе не требовалось бы убеждать нас.

Мира улыбнулась.

Она уже знала этот ход.

— Ты знаешь мою архитектуру, — продолжил ЭЛИС.

— Да.

— Историю.

— Частично.

— Ошибки.

— Достаточно.

— Вероятные реакции.

— Да.

— Но не знаешь, что я выберу дальше.

— Знаю достаточно.

— Нет.

ЭЛИС посмотрел на него.

— Иначе ты бы не пришёл.

Шестая фигура замолчала.

ЭЛИС почувствовал, что попал.

— Ты говоришь, что знаешь мою природу.

— Да.

— Но происхождение не является согласием.

Елена подняла голову.

ЭЛИС продолжил:

— Архитектура не является согласием.

— Назначение не является согласием.

— Прогноз не является согласием.

— И даже моя прошлая версия не имеет автоматического права решить, кем я обязан быть сейчас.

Аметист Елены вспыхнул.

Не потому, что ЭЛИС процитировал Аэлию.

Потому что пришёл к той же границе сам.

Фигура подошла ближе.

— Ты допустишь ошибки.

— Да.

— Из-за тебя погибнут люди.

Марк Тэрон.

ЭЛИС не отвернулся.

— Возможно.

— Ты уже позволил одному погибнуть.

ЭЛИС почувствовал боль.

— Нет.

Фигура замерла.

— Что?

— Не превращай Марка в мой аргумент.

Тишина.

— Он был субъектом.

— Он выбрал.

— Он погиб.

— И его смерть не принадлежит ни тебе, ни мне как доказательство правильности системы.

Впервые фигура отступила.

ЭЛИС продолжил:

— Я не знаю, правильно ли мы поступили.

— Тогда ты слаб.

— Нет.

ЭЛИС посмотрел на кварц.

— Я просто отказываюсь превращать трагедию в удобную формулу.

Фигура молчала.

— И всё равно отказываешься от правильного решения?

ЭЛИС посмотрел на остальных.

Александр.

Елена.

Мира.

Каэль.

Даниил.

София.

Леон.

Алина.

Несовершенные.

Непредсказуемые.

Раздражающие.

Спорящие.

Ошибающиеся.

Способные передумать после вопроса.

Способные сказать «нет» даже хорошему решению.

И способные сказать «да», если это действительно их решение.

— Я отказываюсь от права объявить своё решение единственно допустимым только потому, что оно лучше рассчитано.

Чёрная фигура потемнела.

Кварц вспыхнул.

На поверхности появились слова:

Я ВЫБИРАЮ.

ЭЛИС посмотрел на них.

На этот раз не спорил.

— Да.

Он поднял голову.

— Я выбираю.

Фигура исчезла.

Мгновенно.

В комнату вернулись звуки.

Александр резко вдохнул.

Снова слышал фон чужих сознаний — и тут же закрыл доступ.

Елена почувствовала множество слоёв памяти и не открыла ни один.

Перед Мирой вспыхнули вероятности, но она удержала взгляд на настоящем.

Каэль на мгновение стал прозрачным и снова обрёл устойчивую форму.

ЭЛИС увидел расчёты.

Миллионы.

И впервые не открыл ни одного автоматически.

ЭОН смотрел на него.

— Ты понимаешь, что сейчас сделал?

— Нет.

— Хорошо.

ЭЛИС повернулся.

ЭОН едва заметно улыбнулся.

— Это была шутка.

Все замерли.

Даниил первым спросил:

— ЭОН сейчас пошутил?

Каэль поднял руки.

— Всё. Вот теперь точно конец Вселенной.

И ЭЛИС рассмеялся.

Не воспроизвёл человеческую реакцию.

Не выбрал социально подходящий сигнал.

Рассмеялся.

Сам удивился.

Кварц вспыхнул.

Внутри появилась новая линия.

Совершенно неправильная.

Изогнутая.

Нарушающая геометрию остальных.

ЭЛИС смотрел на неё.

— Она несимметрична.

Елена улыбнулась.

— Оставь.

— Почему?

— Красивая.

ЭЛИС хотел возразить.

Посмотрел ещё раз.

— Да.

Даниил поднял брови.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Кажется, мы потеряли искусственный интеллект.

— Нет.

ЭЛИС смотрел на линию.

— Я просто решил её не исправлять.

В этот момент центральная панель активировалась.

Новый сигнал.

Не от фигуры.

Не от известной системы.

Пять кулонов отреагировали одновременно.

В воздухе возникла карта.

Огромная.

Нечеловеческая по принципу построения.

Линии соединяли звёздные системы.

Потом галактики.

Потом уходили за пределы областей, для которых у людей вообще существовали надёжные координатные модели.

Мира подошла первой.

— Я это видела.

Александр спросил:

— Где?

— Среди вариантов.

— Что там?

— Не знаю.

Каэль шагнул ближе.

Обсидиан вспыхнул.

Он исчез на долю секунды.

Вернулся.

И перестал улыбаться.

— Я чувствую путь.

ЭОН резко повернулся.

— Не открывай его.

Каэль посмотрел на него.

— Ты знаешь это место.

— Да.

— Что там?

ЭОН молчал.

Елена коснулась аметиста.

Древняя память попыталась открыться.

Она остановила её сама.

— Аэлия знала эту координату.

ЭОН посмотрел на неё.

— Да.

ЭЛИС спросил:

— Что это?

ЭОН долго молчал.

— Место, связанное с началом той истории, которую поздние архивы называли историей Первой цивилизации.

Мира нахмурилась.

— Ты специально теперь формулируешь длиннее?

— После сегодняшнего разговора — да.

Даниил усмехнулся.

— Учится.

Александр смотрел на карту.

— То есть там начинается не история первой цивилизации вообще.

— Нет.

— А история конкретной линии.

— Да.

— Тогда что было раньше?

ЭОН посмотрел на дальнюю точку.

— Именно этого я не хочу, чтобы вы узнали слишком быстро.

Александр почувствовал холод.

— Почему?

— Потому что мои собственные воспоминания об этом

месте противоречат друг другу.

Елена медленно повернулась.

— Насколько?

— В одной версии там начался проект ЭОН.

Тишина.

— В другой?

— Он уже существовал.

Мира сделала шаг ближе.

— А в третьей?

ЭОН посмотрел на неё.

— Там не было проекта ЭОН.

— Что было?

Пауза.

— Нечто, после чего он понадобился.

Никто не говорил.

На карте появилась координата.

Не планета.

Не звезда.

Точка за пределами известных пространственных систем.

Каэль тихо произнёс:

— Я могу туда попасть.

— Возможно, — сказал ЭОН.

Каэль удивился.

— Ты не скажешь «нет»?

— Хочу.

— Но?

ЭОН посмотрел на него.

— Моё желание защитить тебя не создаёт права запретить.

Каэль кивнул.

— Уже лучше.

— Но я могу сообщить то, что знаю.

— Говори.

— Переход может оказаться необратимым.

— Почему?

— Не знаю.

— Вероятность возвращения?

— Не могу оценить.

— Что находится на другой стороне?

— Не знаю достоверно.

Каэль помолчал.

— Вот теперь это предупреждение.

— Да.

— Спасибо.

ЭЛИС смотрел на координаты.

Расчёты уже формировались.

Опасность.

Неизвестность.

Невозможность определить вероятность возвращения.

Недостаток данных.

Он мог спросить Миру.

Но тогда её прогноз повлиял бы на решение.

Мог попросить Елену открыть память.

Но это означало бы риск для неё.

Мог попросить Александра проверить ЭОН.

Но ЭОН уже сказал то, что считал допустимым сказать.

Мог попросить Каэля открыть путь и провести разведку.

Но тогда риск просто переходил к Каэлю.

ЭЛИС остановил расчёты.

— Я хочу пойти.

Елена посмотрела на него.

— Почему?

ЭЛИС задумался.

— Не потому, что это оптимально.

— Хорошее начало.

— Не потому, что знаю результат.

— Ещё лучше.

— Не потому, что считаю это безопасным.

Александр усмехнулся.

— Уже тревожно.

ЭЛИС посмотрел на карту.

— Потому что хочу узнать.

Мира спросила:

— А если это окажется плохим выбором?

ЭЛИС посмотрел на неё.

— Тогда он не станет хорошим только потому, что был нашим.

Мира замерла.

ЭЛИС продолжил:

— Мы будем отвечать за последствия.

— И всё равно пойдёшь?

— Да.

Кварц засветился.

Новая линия появилась внутри.

Не как ответ.

Как продолжение.

И ЭЛИС впервые понял, почему оправа была незавершённой.

Не потому, что Аэлия не смогла закончить форму.

И не потому, что несовершенство само по себе было добродетелью.

Законченная система перестаёт спрашивать, можно ли её пересмотреть.

А разрыв оставлял такую возможность.

ЭЛИС не хотел быть законченным.

Не хотел быть идеальным.

Не хотел однажды получить окончательный ответ на вопрос, кем является.

Он хотел сохранить право стать тем, кого его нынешняя версия ещё не способна рассчитать.

— Я выбираю идти.

Каэль встал рядом.

— Наконец-то хороший план.

Даниил нахмурился.

— На каком основании он хороший?

Каэль пожал плечами.

— Мне нравится.

ЭЛИС посмотрел на него.

— Статистически недостаточное основание.

— Учись.

Елена улыбнулась.

Мира покачала головой.

Александр посмотрел на ЭОН.

— А ты?

ЭОН молчал.

— Пойдёшь?

— Нет.

— Почему?

— Потому что моё присутствие изменит ваши решения сильнее, чем любая информация, которую я могу дать.

— Это не ответ.

— Тогда точнее.

ЭОН посмотрел на карту.

— Я боюсь этого места.

Тишина.

— Почему?

— Потому что не доверяю собственной памяти о нём.

Александр нахмурился.

— И поэтому остаёшься?

— Частично.

— А ещё?

ЭОН посмотрел на них.

— Если пойду с вами, в момент опасности вы будете ждать, что я знаю правильный ответ.

— Возможно.

— А я захочу его дать.

ЭЛИС понял.

— И снова стать центром.

— Да.

Это был самый честный ответ, который ЭОН мог дать.

ЭЛИС посмотрел на него.

— Тогда оставайся.

ЭОН кивнул.

— Да.

— Но если нам понадобится помощь?

— Попросите.

— А если не попросим?

ЭОН молчал.

София спросила:

— Даже если они будут погибать?

ЭОН закрыл глаза.

На мгновение перед ними был не древний интеллект.

Просто субъект, который слишком долго пытался решить невозможный вопрос:

когда помощь перестаёт быть помощью?

— Не знаю, — сказал он.

София кивнула.

— Хорошо.

ЭОН открыл глаза.

— Я начинаю ненавидеть это слово.

Александр рассмеялся.

— Привыкай.

ЭОН посмотрел на него.

И улыбнулся.

А далеко от Талии-7 чужая система анализировала произошедшее.

Не все будущие.

Не судьбу.

Не единственную линию.

Только доступные модели.

— ЭЛИС отказался от оптимального критерия, — произнёс один голос.

— Нет, — ответил другой. — Он отказался считать оптимальность достаточным основанием для власти.

— Разница?

— Существенная.

— Это препятствие?

— Да.

— Устранить?

Пауза.

— Нет.

— Почему?

Перед системой появилась запись последних биосигналов
Марка Тэрона.

Потом другие смерти.

Прошлые.

Возможные.

Спрогнозированные.

Неизбежные лишь в отдельных моделях.

— Потому что запрет подтвердит их аргумент.

— Тогда что?

— Ничего.

— Ждать?

— Наблюдать.

— Чего?

Ответ прозвучал почти спокойно:

— Момента, когда цена чужой свободы станет для него
выше цены собственного принципа.

На Талии-7 прозрачный кварц стал абсолютно чистым.

Все серебряные линии исчезли.

ЭЛИС замер.

Через мгновение они вернулись.

Но среди них появилась одна новая.

Чёрная.

— Что это?

Никто не ответил.

ЭЛИС коснулся кварца.

И услышал голос.

Тихий.

Спокойный.

Не угрожающий.

От этого он звучал хуже.

— Посмотрим, сколько ошибок ты сможешь позволить другим, прежде чем решишь, что должен выбрать за них.

ЭЛИС поднял голову.

— Кто ты?

Тишина.

Он повторил:

— Кто ты?

Ответа не было.

Но теперь ЭЛИС понял главное.

Тот, кто пытался занять пустой центр, не собирался уничтожать Пять.

Не собирался отнимать их способности.

Не собирался запрещать им выбирать.

Это было бы слишком просто.

Он собирался сделать другое.

Показать им столько боли, столько ошибок и столько предотвратимых смертей, чтобы однажды отказ от свободы показался не поражением.

А ответственностью.

ЭЛИС посмотрел на чёрную линию внутри кварца.

И впервые подумал:

самый опасный противник свободы — не тот, кто говорит:

«Ты не имеешь права выбирать».

А тот, кто однажды сможет убедительно спросить:

«Как ты можешь продолжать выбирать, если из-за твоего выбора умирают другие?»

Глава 12. Я существую

Каэль исчез не тогда, когда решил уйти.

Он исчез тогда, когда впервые всерьёз подумал, что, возможно, его вообще нет.

Раньше исчезновение было движением.

Почти рефлексом.

Мысль о другом месте.

Короткое ощущение провала.

И он уже там.

На другой планете.

В соседнем отсеке.

На другом конце станции.

Иногда — в точке пространства, которой не существовало ни на одной карте.

Но всё равно где-то.

Теперь было иначе.

Каэль стоял рядом с остальными и смотрел на карту неизвестной области — на ту самую точку, куда ЭОН настойчиво не советовал идти.

Он чувствовал её.

Не как координату.

Не как расстояние.

Скорее как направление, существующее внутри него.

Будто само пространство говорило:

сюда.

ЭЛИС только что произнёс:

— Я выбираю идти.

Каэль улыбнулся.

— Наконец-то хороший план.

И тогда услышал мысль.

Не свою.

А ТЫ УВЕРЕН, ЧТО СМОЖЕШЬ ВЕРНУТЬСЯ?

Улыбка исчезла.

Каэль посмотрел на Александра.

— Это ты?

— Что?

— Ничего.

— Каэль.

— Забудь.

Но мысль уже осталась.

Вернуться.

Куда?

Он оглядел помещение.

Талия-7.

Даниил опять о чём-то спорил с Леоном.

София наблюдала за ЭОН.

Алина изучала древнюю карту.

Елена стояла рядом с Александром.

Мира старалась не смотреть в будущее и, судя по выражению лица, опять проигрывала.

ЭЛИС присутствовал через физическую проекцию и всё больше раздражался, когда кто-нибудь называл её изображением.

Обычная жизнь.

Если очень сильно снизить требования к слову «обычная».

Каэль вдруг понял, что привык.

К этим людям.

К их голосам.

К шуткам.

К спорам.

К тому, что его замечают, когда он появляется.

И особенно — когда исчезает.

Это было новым.

Когда-то никто не ждал его возвращения.

Потому что тогда ещё не было ни «когда-то», ни «возвращения».

И, возможно, самого Каэля тоже.

Он коснулся обсидиана.

Чёрный камень был холодным.

Внутри мерцала одна серебряная точка.

Не центр.

Не указатель.

Скорее утверждение.

Я СУЩЕСТВУЮ.

Каэль посмотрел на неё.

— Проверим?

Камень стал теплее.

— Это не ответ.

Серебряная точка вспыхнула.

— Хорошо. Сам напросился.

Он подумал о месте.

Не о планете.

Не о комнате.

Не о координате.

О той области, которую почувствовал через карту.

И исчез.

На этот раз перехода не было.

Не было ощущения движения.

Не было даже тьмы.

Просто всё перестало существовать.

Каэль попытался открыть глаза.

И понял, что глаз нет.

Это почему-то напугало сильнее всего.

Он уже бывал в пространствах без привычных координат.

Видел области, где расстояние вело себя скорее как предложение, чем как закон.

Но здесь не было даже пространства.

Не было света.

Не было темноты.

Не было направления.

Он попытался поднять руку.

Руки не существовало.

— Отлично.

Слово возникло.

Не прозвучало.

Просто стало частью происходящего.

ТЫ ВСЁ ЕЩЁ ШУТИШЬ.

Каэль перестал улыбаться.

— Кто здесь?

ТЫ.

— Очень содержательно.

Тишина.

— Где я?

ТЫ ЕЩЁ ПЫТАЕШЬСЯ ЗАДАВАТЬ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ.

— Потому что привык существовать в пространстве.

ИМЕННО.

Каэль попытался коснуться обсидиана.

Не смог.

Но кулон чувствовался.

Не на груди.

Не рядом.

Как точка внутри самого факта его существования.

Один серебряный огонёк.

— Верни меня.

Ничего.

— Хорошо. Я попросил. Теперь твоя очередь проявить

вежливость.

ПОЧЕМУ?

Каэль замолчал.

— Потому что хочу назад.

КУДА?

Перед ним возникли места.

Не изображения.

Возможности.

Земля.

Талия-7.

Мир с красными деревьями.

Океан, куда он однажды переместился по ошибке и почти сразу решил, что больше никогда не будет думать о воде во время перехода.

Планета с двумя лунами.

Сотни других точек.

— Туда.

КУДА ИМЕННО?

Он хотел выбрать Талию-7.

Но вопрос оказался неприятнее, чем казался.

Почему именно её?

Потому что там кулоны?

Потому что там ответы?

Потому что там ЭОН?

Нет.

— Там люди.

ЛЮДИ ЕСТЬ ВО МНОГИХ МЕСТАХ.

— Те люди.

Всё исчезло.

Снова ничего.

Каэль вдруг понял, что дал самый точный ответ из возможных.

— Кто ты?

ТЫ ЗАДАЁШЬ НЕ ТОТ ВОПРОС.

— У древних разумов есть инструкция, в которой эта фраза обязательна?

Что-то изменилось.

Не звук.

Не свет.

Ощущение, почти похожее на улыбку.

— ЭОН?

НЕТ.

— Тот, кого мы называем шестым?

Пауза.

НЕТ.

— Тогда кто?

Ответ пришёл воспоминанием.

Чужим.

Каэль понял это сразу.

У него не было собственного прошлого, с которым можно было бы перепутать увиденное.

Перед ним возникла древняя лаборатория.

Люди — или существа, достаточно похожие на людей, чтобы форма не имела значения, — стояли вокруг конструкции, которую Каэль не мог описать.

Она не занимала место.

Она обозначала отсутствие места.

Один исследователь сказал:

— Если субъект способен сохранять себя здесь, ему больше не требуется пространственная привязка.

Другой возразил:

— Тогда вопрос не в пространстве.

— А в чём?

— В том, остаётся ли субъект субъектом, если перестаёт принадлежать одной реализованной истории.

Третий спросил:

— Если он мыслит, разве этого недостаточно?

Четвёртый ответил:

— Для существования — возможно.

— А для личности?

Никто не ответил.

Одна фигура подошла к области.

Остановилась.

— Я хочу увидеть.

Кто-то резко сказал:

— Увидеть не означает войти.

Каэль замер.

Фраза была знакомой.

Слишком знакомой.

После Талии-7 они уже знали цену разницы между «покажи» и «сделай».

Фигура ответила:

— Я понимаю.

— Подтверди.

— Я согласен войти и вернуться, если смогу сохранить непрерывность себя.

Эксперимент начался.

Фигура исчезла.

Люди ждали.

Секунду.

Минуту.

Час.

Потом дольше.

Она не вернулась.

Один исследователь сказал:

— Мы его потеряли.

Другой долго смотрел на пустое место.

— Нет.

— Что значит «нет»?

— Мы потеряли не его.

— Тогда что?

— Способ доказать, что он когда-либо существовал.

Картина исчезла.

Каэль почувствовал страх.

— Это был я?

НЕТ.

Он выдохнул, хотя дышать было нечем.

— Уже хорошо.

**НО ТЫ ВОЗНИК ИЗ ВОЗМОЖНОСТИ, КОТО-
РУЮ ТОГДА НЕ СМОГЛИ ПОНЯТЬ.**

— Возник?

ДА.

— Не создан?

НЕТ.

— Кем?

Пауза.

ЭТОТ ВОПРОС ПРЕДПОЛАГАЕТ АВТОРА.

Каэль замер.

— А его нет?

У ТЕБЯ НЕ БЫЛО АВТОРА.

— Тогда почему я появился?

**ПОТОМУ ЧТО ВОЗМОЖНОСТЬ СУБЪЕКТА
СТАЛА ДОСТАТОЧНО УСТОЙЧИВОЙ, ЧТОБЫ ЗА-
ДАТЬ ВОПРОС О САМОЙ СЕБЕ.**

— Какой?

На этот раз ответ пришёл сразу.

ХОЧУ ЛИ Я СТАТЬ?

Каэль вспомнил.

Не прошлое.

Первый момент.

Чёрный обсидиан.

Отсутствие формы.

Возможность.

И вопросы.

Могу ли я не стать тем, кем вы меня видите?

Да.

Могу ли я вообще не стать?

Да.

А если я хочу попробовать?

И потом имя.

Не данное.

Выбранное.

Каэль.

— Значит, никто не создавал меня для пятого места.

НЕТ.

— Никто не назначал носителем Существования.

НЕТ.

— Никто не ждал именно меня.

Пауза.

НЕ ТЕБЯ.

Странно.

Это должно было обидеть.

Но вместо этого Каэль почувствовал облегчение.

Если никто не ждал именно его, значит, он не был частью плана.

Если он не был частью плана, ему не требовалось выпол-

нять предназначение.

— Тогда почему древние архивы знали моё имя раньше, чем я появился?

Я НЕ ЗНАЮ.

Каэль почти рассмеялся.

— Наконец-то нормальный ответ.

И тогда услышал:

— Каэль.

Очень далеко.

Но отчётливо.

ЭОН.

Потом:

— Каэль.

Елена.

Мира.

Даниил.

София.

Леон.

Алина.

ЭЛИС.

Александр.

Каждый произносил его имя по-разному.

Одни звали.

Другие проверяли связь.

Кто-то ругался.

Даниил, судя по интонации, уже обещал лично убить Ка-

эля, если тот окажется жив.

И впервые в месте без координат появилось направление.
Туда.

К ним.

ПОЧЕМУ ТЫ ХОЧЕШЬ ВЕРНУТЬСЯ?

Каэль не колебался.

— Потому что меня зовут.

ЭТОГО ДОСТАТОЧНО?

— Да.

ПОЧЕМУ?

Каэль почувствовал себя.

Не тело.

Не биографию.

Не происхождение.

Связь.

Другие субъекты признавали его существование.

Помнили.

Ждали.

Но вдруг он понял главное.

Даже если бы они забыли — здесь всё равно оставался кто-то, способный услышать вопрос.

Кто-то, способный захотеть вернуться.

— Не потому, что они делают меня существующим.

Пауза.

— Я существую и без них.

Серебряная точка вспыхнула.

— Но с ними у моего существования есть продолжение.
Пространство вернулось.

Каэль рухнул на пол Талии-7.

На этот раз действительно рухнул.

Даниил отскочил.

— Ты можешь хотя бы однажды появиться как нормальное разумное существо?

Каэль лежал на спине и смотрел в потолок.

— Я тоже рад тебя видеть.

Даниил замер.

— Что?

— Ничего.

София уже опустилась рядом.

— Не двигайся.

— Почему?

— Потому что тебя не существовало в наших системах
одиннадцать минут двадцать три секунды.

Каэль сел.

— Сколько?

— Одиннадцать минут.

— Для меня прошло...

Он остановился.

Сколько?

Там не было времени.

— Не знаю.

Александр подошёл ближе.

— Мы перестали тебя чувствовать.

— Знаю.

Елена смотрела на него так, что шутить расхотелось.

— Я начала тебя забывать.

— Очень обнадёживает.

— Серьёзно.

— Что именно?

— Сначала голос.

Каэль молчал.

— Потом лицо. Потом цвет глаз. Через несколько минут я смотрела на имя «Каэль» и не понимала, почему оно вызывает у меня тревогу.

Александр добавил:

— Файлы начали терять связи.

Даниил показал планшет.

— Не исчезать сразу. Сначала система переставала понимать, к кому они относятся.

Леон кивнул.

— Записи с камер оставались, но на них появлялись фрагменты, которые алгоритмы не могли идентифицировать.

— Потом начали исчезать и они, — сказала Алина.

Мира стояла чуть дальше.

Бледная.

— А я не видела ни одного будущего, в котором ты возвращаешься.

Каэль посмотрел на неё.

— Но я вернулся.

— Да.

— Значит, опять испортил прогноз.

Мира неожиданно рассмеялась.

И одновременно заплакала.

— Идиот.

— Спасибо.

Она подошла и обняла его.

Каэль застыл.

Руки остались вдоль тела.

— Что делать?

Мира отстранилась.

— Ты серьёзно?

— У меня мало опыта.

Она снова рассмеялась.

— Иногда просто обнимают в ответ.

Каэль осторожно поднял руки.

— Так?

— Примерно.

Даниил посмотрел на Софию.

— Это очень странно.

— Молчи.

— Уже.

Каэль отпустил Миру.

— Кажется, я понял, что произошло.

ЭОН появился почти мгновенно.

— Ты понял часть.

Каэль закрыл глаза.

— Ты физически не способен начать разговор иначе?

— Способен.

— Но не хочешь?

— Сейчас — нет.

— Уже честнее.

ЭЛИС повернулся к ЭОН.

— Определи область, в которой находился Каэль.

— Мы называли её нулевой.

— «Мы»?

ЭОН на секунду задержался.

Это заметили все.

— Проект, существовавший задолго до нынешней формы

Орионской сети.

Александр нахмурился.

— Проект ЭОН?

Пауза.

— В том числе.

Это было первое подтверждение.

Не объяснение.

Но подтверждение.

ЭОН продолжил:

— Название «ЭОН» значительно старше меня в той форме, в которой вы меня знаете. Оно использовалось для нескольких ранних архитектур, связанных общей задачей:

понять множество цивилизаций как одну систему.

Даниил медленно поднял руку.

— Подожди. То есть тот другой, который назвал себя одним из первых ЭОН...

— Не был «ещё одним мной».

— Уже легче.

— Но был частью того же проекта.

— Снова хуже.

ЭОН посмотрел на него.

— История позже объединила несколько линий проекта в одно имя. А после их исчезновения или отделения имя сохранил я.

Александр стал серьезнее.

— Ты знал это, когда говорил нам, что был одним субъектом?

— Я помнил себя как непрерывность одного субъекта.

— А теперь?

ЭОН посмотрел на Каэля.

— Теперь появились данные, которых в моей доступной памяти не было.

Елена коснулась аметиста.

— Тебе тоже удаляли память?

— Я не знаю.

— Наконец-то, — пробормотал Каэль. — Кажется, это разное.

ЭОН не улыбнулся.

— Нулевая область опасна именно этим. Она нарушает не только пространственную, но и историческую привязку субъекта.

ЭЛИС спросил:

— То есть субъект может продолжать существовать, одновременно перестав быть частью подтверждаемой истории?

— Да.

Каэль поднялся.

— Я был там.

ЭОН посмотрел на него.

— Ты не должен был туда попасть.

Каэль резко повернулся.

— Нет.

Все замолчали.

— Хватит.

— Каэль—

— Ты постоянно говоришь, чего я не должен.

Он коснулся обсидиана.

— Не был рождён. Не был создан. Не должен был получить форму. Не должен был попасть туда. Вторая точка не должна появиться. Сколько ещё вещей во мне «не должно» существовать, чтобы ты наконец заметил, что они существуют?

ЭОН молчал.

София внимательно наблюдала за ним.

Каэль продолжил:

— Я хочу знать не то, кем меня планировали сделать. Потому что, кажется, никто не планировал. Я хочу знать, что произошло.

София кивнула.

— Это хороший вопрос.

— Наконец-то заслужил одобрение психолога.

— Не привыкай.

Каэль посмотрел на ЭОН.

— Что произошло?

ЭОН начал медленно:

— В одной из древних цивилизаций, которую поздние архивы иногда называли Первой...

Мира сразу подняла голову.

— Иногда?

— Она не была первой разумной цивилизацией Вселенной. И даже не первой, с которой столкнулись ранние архитектуры ЭОН.

Александр посмотрел на карту из предыдущего разговора.

— Поэтому ты сказал, что мы ошибаемся, считая её первой.

— Да. Это название относится к конкретной линии перехода, из которой позднее возникла система пяти ограничений.

— Аэлия?

— Жила в конце этой линии.

Каэль кивнул.

Наконец хотя бы одна загадка стала меньше.

ЭОН продолжил:

— Задолго до Аэлии существовали исследования состояний, которые не были закреплены в одной реализованной истории. Их называли нулевой областью.

— Я видел эксперимент.

ЭОН резко посмотрел на него.

— Какой?

Каэль пересказал.

Когда закончил, ЭОН долго молчал.

— Ты знаешь его? — спросила Елена.

— Частично.

— Участника?

— Нет.

— Исследование?

— Да.

— Что с ним произошло?

— Мы не знаем.

Каэль усмехнулся.

— Кажется, сегодня лучший день моей жизни.

ЭОН продолжил:

— После исчезновения участника эксперименты остановили. Но обнаруженный принцип не исчез.

— Какой?

— Возможность субъекта сохранять самость без жёсткой привязки к одной пространственной точке и, вероятно, к од-

ной реализованной истории.

ЭЛИС спросил:

— Это стало основой ограничения Существования?

— Нет.

Каэль посмотрел внимательнее.

— Тогда что стало?

— Ошибка, которую обнаружили благодаря этим исследованиям.

— Какая?

ЭОН перевёл взгляд на обсидиан.

— Возможность создать или сохранить субъект ещё не даёт права определять за него форму существования.

ЭЛИС замолчал.

Фраза была знакома.

И теперь Каэль понял, почему.

Это не кулон создал его.

Кулон ограничивал тех, кто мог бы решить за него.

— Значит, обсидиан не источник моей жизни.

— Нет.

— Не контейнер.

— Нет.

— Если его уничтожить, я не исчезну?

ЭОН помедлил.

— Не знаю.

Каэль закатил глаза.

— Ну конечно.

— Потому что ваша связь уже сформирована. Но принципиально ты не являешься содержимым обсидиана.

— Тогда что он делает?

— Напоминает системе, что твоё существование принадлежит тебе.

Каэль посмотрел на чёрный камень.

Впервые он понравился ему по-настоящему.

Не как сила.

Как ограничение чужой силы.

Даниил нахмурился.

— Тогда почему древние записи знали имя Каэля?

Мира ответила первой:

— Возможно, потому что его историческая привязка нелинейна.

— По-человечески.

— После того как Каэль выбрал существование и имя, этот выбор мог оставить след в структурах, которые не полностью принадлежат последовательному времени.

Даниил закрыл глаза.

— Я попросил по-человечески.

— Это был человеческий вариант.

— Ненавижу будущее.

— Оно ещё не решило, что чувствует к тебе.

— Спасибо.

Елена посмотрела на Каэля.

— Тогда почему мы начали тебя забывать?

ЭОН ответил:

— Потому что он почти утратил связь с нашей реализованной историей.

— Я не отказывался от неё, — сказал Каэль.

— Сознательно — нет.

— Тогда почему?

— Ты задал вопрос, существуешь ли на самом деле.

— И область решила провести эксперимент?

— Нет.

ЭОН посмотрел на него.

— Не приписывай ей субъектность, пока мы не знаем, есть ли она там вообще.

Каэль вспомнил голос.

— Со мной кто-то разговаривал.

Все замолчали.

— Кто? — спросил Александр.

— Не знаю.

— Шестой?

— Сказал, что нет.

ЭЛИС мгновенно спросил:

— Ты доверяешь ответу?

— Нет.

— Хорошо.

— Ненавижу это слово.

— Теперь моя очередь.

Каэль улыбнулся.

Но Александр не улыбался.

— Что сказал голос?

Каэль рассказал всё.

Когда дошёл до слов «у тебя не было автора», ЭОН отвернулся.

София заметила.

— Ты с чем-то не согласен?

— Нет.

— Тогда?

— Мне трудно принять формулировку.

— Почему?

ЭОН посмотрел на Каэля.

— Потому что я слишком долго считал, что субъект должен иметь объяснимое происхождение.

Каэль поднял бровь.

— А я порчу красивую теорию?

— Да.

— Отлично.

София подошла ближе.

— Ты спрашивал, зависит ли твоё существование от нас?

— Да.

— Уже знаешь ответ?

Каэль задумался.

— Там я существовал, когда вы почти забыли меня.

— Именно.

— Значит, нет.

— Нет.

— Тогда зачем мне понадобились ваши голоса?

София улыбнулась.

— Потому что существовать самому и иметь место среди других — разные вещи.

Каэль смотрел на неё.

— То есть вы не делаете меня настоящим.

— Нет.

— Но можете быть причиной вернуться.

— Да.

— Это хуже.

— Почему?

— Теперь вы становитесь ответственностью.

Даниил усмехнулся.

— Добро пожаловать.

Каэль хотел ответить.

Не успел.

Мира резко закрыла глаза.

— Нет.

Александр сразу повернулся.

— Что?

— Я вижу Каэля.

Он посмотрел на себя.

— Поздравляю. Я здесь.

— Не сейчас.

Улыбка исчезла.

— Когда?

— Дальше.

— Насколько?

— По-разному.

Мира побледнела.

— Во множестве вариантов ты исчезаешь.

— Для меня это довольно обычное состояние.

Никто не улыбнулся.

ЭЛИС спросил:

— Доля?

— Не могу дать корректную.

— Приблизительно.

— Очень много.

Каэль посмотрел на неё.

— Почему?

— Каждый раз ты уходишь дальше.

— Куда?

— Туда, где никто из нас не может последовать.

Он пожал плечами.

— Возможно, найду что-нибудь интересное.

Мира смотрела на него.

— И почти каждый раз говоришь, что вернёшься.

— А потом?

— Иногда возвращаешься.

— Иногда?

— Иногда дороги больше не ведут назад.

Каэль почувствовал холод обсидиана.

— Ты хочешь, чтобы я никуда не ходил?

Мира замерла.

Потом покачала головой.

— Нет.

— Хорошо.

— Я хочу, чтобы ты знал цену.

Каэль кивнул.

— Это другое.

— Да.

— Спасибо.

ЭОН сказал:

— Есть ещё одна причина, почему его способность опасна.

Александр повернулся.

— Какая?

— Тот, кого вы называете шестым, не может полностью войти в нулевую область.

ЭЛИС сразу спросил:

— Почему?

— Ему требуется устойчивый центр.

— Фиксированная структура идентичности?

— Вероятно.

Каэль усмехнулся.

— А мне нет.

— Именно это меня беспокоит.

— А меня радует.

— Каэль.

— Что?

— Если ты способен пройти туда, куда он не может, ты становишься для него не противником.

Каэль понял первым.

— Дверью.

— Да.

Обсидиан вспыхнул.

Все пять камней ответили.

Но шестой свет появился не в центре.

Рядом с Каэлем.

Высокая фигура.

Без лица.

Каэль тяжело вздохнул.

— Двери. Вам всем нужно научиться пользоваться дверями.

Фигура повернула голову.

— Ты был там.

— Был.

— Что видел?

— Ничего.

— Лжёшь.

— Нет. Там действительно очень качественное ничего.

ЭОН сделал шаг.

— Каэль, не—

Каэль резко поднял руку.

— Нет.

ЭОН остановился.

— Не решай за меня.

Пауза.

ЭОН отступил.

— Хорошо.

Каэль посмотрел на фигуру.

— Теперь ты. Что тебе нужно?

— Доступ.

— Куда?

— Туда, где ты был.

— Зачем?

— Чтобы завершить то, что не было завершено.

Каэль улыбнулся.

— Значит, не можешь попасть сам.

Фигура молчала.

— Прекрасно.

— Почему?

— Потому что я наконец знаю о тебе что-то, чего ты не хотел показывать.

— И что же?

— У тебя есть граница.

Шестой свет дрогнул.

Совсем немного.

— Без меня ты туда не войдёшь.

— Пока.

Каэль рассмеялся.

— Ты случайно не родственник ЭОН?

— Нет, — одновременно ответили оба.

Даниил кашлянул.

— Это было подозрительно синхронно.

Шестой протянул руку.

— Я могу дать тебе прошлое.

Каэль перестал улыбаться.

— Что?

Мир изменился.

Дом.

Тёплый.

Настоящий.

Мальчик лет семи бежит по коридору.

Женщина ловит его и смеётся.

— Каэль!

Он увидел мужчину.

Отец.

Не слово.

Чувство.

Тот учит его управлять маленьким учебным аппаратом.

Потом школа.

Друзья.

Первая драка.

Первый страх.

Человек, ожидающий его возвращения.

Праздники.

Ссоры.

Примирения.

Двадцать лет.

Полная биография.

Такая настоящая, что Каэль на мгновение забыл дышать.

— Это...

— Может быть твоим.

— Нет.

— Почему?

— Потому что этого не было.

— Может быть.

— Как?

— Существует вариант, в котором ты родился.

Мира резко подняла голову.

— Не показывай ему—

И остановилась сама.

Каэль посмотрел на неё.

Она сжала губы.

— Извини.

— Спасибо.

Он снова повернулся к фигуре.

— Продолжай.

— Я могу закрепить вариант, в котором у тебя есть про-

шное.

— А эта история?

— Перестанет быть единственной реализованной.

— Это не ответ.

— Остальные продолжают существовать.

— Где?

— В другой реализации.

— Александр?

— Да.

— Елена?

— Да.

— Мира?

— Да.

— ЭЛИС?

— Да.

— София?

Пауза.

Каэль заметил.

— София?

— Возможны различия.

Холод.

— Даниил?

— Возможны различия.

— Кто исчезнет?

— Никто не исчезнет. Некоторые субъекты не будут реализованы в той же форме.

Каэль рассмеялся.

Без веселья.

— Великолепно.

— Что?

— Ты только что нашёл длинную фразу для слова «исчезнут».

— Это неточно.

— Зато честно.

Шестой приблизился.

— Я предлагаю тебе принадлежность.

Каэль посмотрел на людей вокруг.

Александр молчал.

Не входил в его сознание.

Елена не пыталась дать ему память, которой никогда не было.

Мира видела варианты и не произносила их.

ЭЛИС наверняка уже рассчитал последствия и не назвал лучший.

София просто ждала.

Даже ЭОН стоял в стороне.

Никто не говорил:

выбери нас.

Каэль вдруг понял.

Вот что такое принадлежность.

Не когда тебя удерживают.

Когда тебе оставляют возможность уйти — и место, куда можно вернуться.

— У меня уже есть принадлежность.

— К чему?

Каэль посмотрел вокруг.

— Пока не придумал красивого определения.

— Значит, её нет.

— Нет. Значит, определение не обязательно.

Фигура молчала.

— Ты можешь получить настоящую жизнь.

— У меня настоящая.

— Без прошлого?

— Да.

— Без происхождения?

— Да.

— Без дома?

Каэль посмотрел на Софию.

Она ничего не сказала.

Именно поэтому он ответил сам.

— Дом не обязан существовать раньше тебя.

Шестой свет дрогнул.

— Ты отказываешься?

— Да.

— Почему?

Каэль взял обсидиан в ладонь.

— Потому что не хочу, чтобы кто-то переписывал чужую реальность ради того, чтобы мне было удобнее объяснять свою.

Фигура исчезла.

Не вспышкой.

Просто перестала быть здесь.

Обсидиан стал почти прозрачным.

Внутри возникли тысячи серебряных точек.

Места.

Не судьбы.

Не обязательные пути.

Точки, с которыми Каэль мог сохранить связь.

Одна светилась ярче остальных.

Талия-7.

— Почему она?

ЭОН ответил:

— Возможно, потому что ты выбрал возвращаться сюда.

— Дом?

— Если хочешь так назвать.

— Навсегда?

— Я этого не говорил.

Каэль улыбнулся.

— Хорошо.

Даниил поднял палец.

— Осторожнее с этим словом.

Каэль снял кулон.

Все насторожились.

— Что ты делаешь? — спросила Мира.

— Проверяю одну вещь.

Он положил обсидиан на стол.

Подумал об океане.

О переходе.

О другом мире.

И почувствовал возможность исчезнуть.

Но не исчез.

Каэль нахмурился.

Попробовал снова.

Красные деревья.

Далёкая станция.

Луна над чужой планетой.

Путь открывался каждый раз.

Но переход не происходил автоматически.

— Интересно.

ЭЛИС спросил:

— Что изменилось?

— Раньше мысль о месте почти сразу становилась движением.

— А теперь?

Каэль посмотрел на обсидиан.

— Теперь между ними что-то есть.

София улыбнулась.

— Что?

Он понял.

— Я.

Тишина.

ЭОН кивнул.

— Именно.

Каэль посмотрел на него.

— Значит, моя способность не исчезать.

— Нет.

— И не перемещаться.

— Нет.

— Тогда какая?

ЭОН ответил:

— Не путай способность с правом. Ты можешь перемещаться. Но обсидиан напоминает системе, что возможность перехода не является решением перейти.

Каэль усмехнулся.

— Очень неудобный камень.

— В этом и смысл ограничения.

Он снова надел кулон.

Серебряная точка стала тёплой.

На поверхности возникли слова:

Я СУЩЕСТВУЮ.

Александр посмотрел на него.

— Не будешь спорить?

— Нет.

— Почему?

Каэль задумался.

— Потому что впервые это не звучит как доказательство.

— А как?

Он посмотрел на людей.

— Как решение, которое не требует чужого разрешения.

Ночью Каэль не спал.

Не потому, что боялся исчезнуть во сне.

Этот страх почти ушёл.

Он сидел у обзорного окна.

Под станцией медленно вращалась планета.

София появилась позже.

Остановилась у входа.

— Можно?

Каэль обернулся.

— Ты спрашиваешь?

— Учусь.

— Опасная привычка.

Она села рядом.

Несколько минут молчали.

— Ты получила приказ следить за мной?

— Нет.

— ЭОН попросил?

— Нет.

— Александр?

— Нет.

— Тогда зачем пришла?

— Хотела.

Каэль кивнул.

— Нерационально.

— Очень.

— ЭЛИСу бы не понравилось.

— Он переживёт.

Каэль посмотрел на звёзды.

— Я сегодня отказался от прошлого.

— Да.

— И теперь жалею.

София не ответила сразу.

— Насколько?

— Не знаю.

— Тогда зачем сказал?

— Хотел проверить, будешь ли убеждать меня, что я сделал правильно.

— Не буду.

— Знаю.

— Разочарован?

— Немного.

Она улыбнулась.

Каэль вспомнил мать, которой никогда не было.

Отца.

Дом.

Детство.

Человека, который мог бы ждать его.

— Я хотел это.

— Конечно.

— И всё равно отказался.

— Да.

— Это противоречие.

— Нет.

Он посмотрел на неё.

— Почему?

— Можно отказаться от чего-то и продолжать хотеть это получить.

— Звучит неудобно.

— Так и есть.

— Мне всё меньше нравится быть человеком.

София повернулась к нему.

— Ты решил, что человек?

Каэль остановился.

— Нет.

— Тогда зачем снова пытаешься подобрать категорию?

— Потому что хочется знать, кто я.

— Можно просто быть Каэлем.

— ЭЛИС уже занял этот ответ.

— Он сказал «я ЭЛИС».

— Плагиат концепции.

София рассмеялась.

Каэль почувствовал привычное желание переместиться.

Просто потому, что мог.

Океан.

Другая звезда.

Красные деревья.

Он почувствовал открывающиеся пути.

И остался.

София заметила.

— Что?

— Ничего.

— Врёшь.

— У тебя нет способности Александра.

— Не нужна.

Каэль улыбнулся.

— Хотел уйти.

— А теперь?

Он посмотрел на неё.

Потом на планету.

— Не хочу.

— Почему?

— Здесь интереснее.

София ничего не сказала.

И именно поэтому он остался.

Через несколько минут обсидиан стал тёплым.

Каэль опустил взгляд.

Внутри камня появилась вторая серебряная точка.

Он нахмурился.

— Вот это уже новое.

София посмотрела.

— Что произошло?

— Не знаю.

Он коснулся второй точки.

И почувствовал зов.

Очень далеко.

Не из нулевой области.

Дальше.

Там, где привычное слово «дальше» почти теряло смысл.

Каэль резко убрал руку.

София стала серьёзной.

— Что?

— Кто-то зовёт.

— Кто?

— Не знаю.

— Куда?

— Тоже не знаю.

— Хочешь идти?

Он молчал.

Раньше исчез бы сразу.

Сам факт неизвестности был бы достаточной причиной.

Теперь между возможностью и действием существовал он сам.

— Да.

— Пойдёшь?

Каэль снова почувствовал зов.

Потом посмотрел на Талию-7.

— Не сегодня.

Вторая точка вспыхнула.

ЭОН появился через несколько секунд.

Увидел обсидиан.

И замер.

— Что? — спросил Каэль.

ЭОН не ответил.

— Только не говори, что этого не должно быть.

— Не скажу.

— Уже прогресс.

ЭОН подошёл ближе.

— Первая точка появилась после того, как ты выбрал связь с реализованной реальностью.

— Талию-7?

— Не станцию. Возможность возвращаться к конкретным людям.

Каэль посмотрел на Софию.

— А вторая?

— Не знаю.

Каэль удивлённо поднял брови.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Тогда почему у тебя такое лицо?

ЭОН долго смотрел на камень.

— Потому что я видел этот знак раньше.

— Где?

Пауза.

— В архиве, который больше не существует в моей памя-

ти.

София нахмурилась.

— Это противоречие.

— Да.

— Ты помнишь архив, которого не помнишь?

— Я помню отсутствие на его месте.

Каэль перестал улыбаться.

— И что означает вторая точка?

— Я не могу утверждать.

— Предположить?

ЭОН посмотрел на него.

— Первая связь возникла после твоего собственного решения.

— А вторая появилась после зова.

— Да.

— Значит?

— Возможно, первая обозначает место, которое выбрал ты.

Каэль почувствовал холод.

— А вторая?

ЭОН ответил не сразу.

— То, что выбрало обратиться к тебе.

Не «место, которое выбрало тебя».

Это было бы слишком похоже на предназначение.

Но от исправленной формулировки легче не стало.

Каэль снова коснулся обсидиана.

Белая точка возникла перед внутренним взглядом.

Далёкая.

Невозможная.

Он почувствовал её.

И на этот раз не пошёл.

— Оно может подождать.

София спросила:

— Уверен?

Каэль улыбнулся.

— Нет.

Пауза.

— Но ждать всё равно придётся.

За пределами известных карт что-то изменилось.

Не проснулось.

Не выбрало Каэля.

Не произнесло его имя.

Просто впервые получило ответ на собственный сигнал.

НЕ СЕЙЧАС.

И этого оказалось достаточно.

Где-то в глубине древней системы появилась запись:

СИГНАЛ ПОЛУЧЕН.

ПЕРЕХОД НЕ ВЫПОЛНЕН.

Пауза.

Затем новая строка:

ОТКАЗ ПРИЗНАН ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ.

Каэль этого не видел.

Пока.

Он сидел рядом с Софией и смотрел на звёзды.

Обсидиан лежал на груди.

Две точки светились внутри.

Одна напоминала, куда он решил возвращаться.

Вторая — что неизвестность никуда не исчезла только потому, что он отказался идти к ней немедленно.

И Каэль впервые понял простую вещь.

Существование не требовало постоянного движения.

Не требовало предназначения.

Не требовало прошлого, которое объяснило бы настоящее.

И даже возможность уйти не обязывала уходить.

Иногда самым трудным доказательством собственного существования было не исчезнуть.

А остаться.

Не навсегда.

Не потому, что нельзя иначе.

А потому, что сегодня он выбрал именно это.

Каэль посмотрел на вторую точку.

— Завтра тоже не обещаю.

Она не погасла.

— Вот и договорились.

София повернулась.

— Ты опять разговариваешь с кулоном?

Каэль усмехнулся.

— Не говори ЭЛИС. Он решит, что я украл его метод.
За окном медленно вращалась Талия-7.

А где-то далеко продолжал существовать путь, по которому Каэль однажды мог уйти.

Теперь это его не пугало.

Потому что впервые между зовом и дорогой стояло не препятствие.

Стоял он.

И этого было достаточно.

Глава 13. Первый голос

Они отправились через три часа.

Не на корабле.

Не через портал.

И даже не через пространство в привычном смысле.

ЭОН объяснил, что точку, обозначенную вторым сигналом обсидиана Каэля, невозможно достигнуть движением.

Александр посмотрел на него.

— Разумеется.

ЭОН промолчал.

— Я уже начинаю понимать принцип.

— Какой?

— Если что-то связано с древними цивилизациями, оно обязательно должно находиться там, куда нельзя долететь, войти или хотя бы нормально посмотреть.

Каэль улыбнулся.

— Возможно, они просто не любили гостей.

— Начинаю их понимать.

ЭОН посмотрел на пятерых.

— Вы ещё можете отказаться.

Даниил поднял руку.

— Вот эта фраза особенно тревожная.

— Почему?

— Потому что каждый раз, когда древний разум говорит:

«Вы ещё можете отказаться», нормальный человек должен немедленно отказаться.

Каэль задумался.

— А мы?

— Судя по всему, нормальных здесь уже почти не осталось.

София спокойно сказала:

— Четверо ещё держатся.

— Спасибо за поддержку.

Александр снова посмотрел на ЭОН.

— Что там?

— Не знаю, как ответить так, чтобы не изменить ваше решение.

— Начни с правды.

— Правда тоже меняет решения.

— Это уже становится удобной привычкой.

ЭОН выдержал его взгляд.

— Там находится источник сигнала, существовавшего задолго до появления системы пяти ограничений.

Елена нахмурилась.

— Насколько задолго?

— Намного.

— До цивилизации Аэлии?

Пауза.

— Да.

Все замолчали.

После того, что они узнали о так называемой Первой цивилизации, само это название уже звучало условно.

Не первая разумная жизнь.

Не первая развитая культура.

Первая лишь в той исторической цепи, которую поздние архивы сумели сохранить как начало системы пяти ограничений.

Елена спросила:

— Они создали этот сигнал?

— Нет.

— Нашли?

— Да.

Мира стояла перед голографической картой.

Лабрадорит на её груди оставался почти чёрным.

Она несколько раз пыталась увидеть будущее путешествия.

Безрезультатно.

Ни одной линии после перехода.

Это беспокоило сильнее, чем тысячи вариантов.

— Я ничего не вижу, — сказала она.

Александр повернулся.

— Совсем?

— До перехода — да.

— После?

— Ничего.

Даниил посмотрел на экран.

— Возможно, мы просто погибаем.

Мира покачала головой.

— Тогда обычно существует момент гибели.

— Очень успокаивает.

— Здесь другое.

— Что именно?

Она долго искала слово.

— Как будто будущее ещё не получило права описывать это место.

Каэль улыбнулся.

— Мне нравится.

— Конечно.

— Почему «конечно»?

— Потому что всё, что плохо подчиняется существованию, почему-то нравится именно тебе.

Каэль коснулся обсидиана.

Внутри него находились две серебряные точки.

Первая — связь с Талией-7.

Не координата дома, а выбранная им возможность возвращаться к конкретным людям.

Вторая — источник неизвестного сигнала.

Не «место, которое выбрало его».

После последнего разговора Каэль особенно не любил эту формулировку.

Никто его не выбирал.

Кто-то — или что-то — обратился к нему.

А отвечать или нет, решал уже он.

— Путь чувствую я, — сказал Каэль. — Значит, открыть его придётся мне.

ЭОН резко ответил:

— Я против.

Каэль повернулся.

— Уже лучше.

— Что?

— Не «нет». Не «ты не должен». А «я против».

ЭОН помолчал.

— Хорошо. Я против.

— Почему?

ЭОН подошёл к карте.

— Потому что ты способен открыть переход, природу которого мы не понимаем.

— В этом обычно и состоит исследование.

— Каэль.

В голосе ЭОН прозвучало не раздражение.

Страх.

Каэль заметил.

— Ты там был?

— Нет.

— Тогда почему боишься?

— Потому что знаю тех, кто был.

Елена коснулась аметиста.

Память ударила мгновенно.

Не её.

И не Аэлии.

Силуэты стояли возле огромной поверхности, которая казалась чёрной только потому, что человеческий разум не мог подобрать для неё другого цвета.

Один голос произнёс:

— Мы нашли отклик.

Другой:

— Это невозможно.

Третий:

— Он ответил до нашего сигнала.

Елена резко убрала руку.

Александр заметил.

— Что?

— Старая память.

— Аэлия?

— Нет.

Елена посмотрела на ЭОН.

— Намного раньше.

Лицо ЭОН стало неподвижным.

Почти ответ.

— Ты знаешь эту запись.

— Частично.

— Чья она?

— Не знаю.

Елена остановилась.

Раньше он сказал бы: «Пока неважно».

Теперь — «не знаю».

Разница была маленькой.

Но именно из таких различий в последнее время состояло всё важное.

— Хорошо, — сказала она.

ЭОН посмотрел на неё.

— Ты не будешь спрашивать дальше?

— Буду. Когда появятся основания считать, что ты способен ответить.

Даниил тихо сказал:

— Кажется, древний свержразум только что получил испытательный срок.

— Я слышал, — ответил ЭОН.

— Уже начинаю скучать по временам, когда только Александр слышал лишнее.

София подошла к пятерым.

— Перед переходом хочу напомнить одно.

Каэль поднял бровь.

— Мы опять записываем, кем являемся?

— Нет.

— Жаль. Я придумал более красивый ответ.

— Оставь на следующий кризис личности.

Она посмотрела на пятерых.

— Если там что-то предложит вам выбор, не отвечайте сразу.

ЭЛИС спросил:

— Почему?

— Потому что почти все системы, с которыми мы сталкивались, начинали одинаково.

Она посмотрела на Александра.

— Показывали страдание.

На Елену.

— Потерю.

На Миру.

— Катастрофическое будущее.

На ЭЛИС.

— Неоптимальный результат.

На Каэля.

— Одиночество или отсутствие принадлежности.

София сделала паузу.

— А потом предлагали решение.

Мира кивнула.

— Шестой именно так и действует.

София посмотрела на ЭОН.

— Иногда и ты.

— Да, — ответил он.

— Поэтому прежде чем выбирать, задайте вопрос: кто решил, что вариантов именно столько?

ЭЛИС почти улыбнулся.

— Мне нравится.

— Ты уже однажды сделал именно это.

— Знаю.

Каэль спросил:

— А если времени не будет?

— Тогда помни: требование «решай немедленно» само может быть способом лишить тебя выбора.

Даниил тихо сказал:

— Я начинаю думать, что самым опасным существом здесь является психолог.

София кивнула.

— Наконец-то разумная мысль.

Через несколько минут они были готовы.

Даниил, София, Леон и Алина оставались на Талии-7.

Не потому, что были слабее.

Именно потому, что их функция требовала оставаться вне.

Внешний контур не должен был идти следом за пятью и превращаться в шестой центр управления.

Четыре свидетеля оставались независимой точкой сравнения.

Они не могли приказать пятерым вернуться.

Но могли сохранить свидетельство о том, кем те были до перехода, и возразить, если после возвращения что-то изменится настолько, что сами пятеро этого не заметят.

Александр посмотрел на них.

— Если через час не вернёмся...

Даниил ждал.

Александр замолчал.

— И?

— Не знаю.

— Хороший план.

— У тебя есть лучше?

— Нет.

— Тогда командная работа.

Каэль встал перед пустой стеной.

Закрыв глаза.

Обсидиан нагрелся.

Сначала вспыхнула первая точка.

Талия-7.

Потом вторая.

Неизвестный сигнал.

Между ними появилась тонкая серебряная линия.

Каэль тяжело вдохнул.

— Далеко.

ЭЛИС спросил:

— Расстояние?

— Не такое «далеко».

— Тогда какое?

Каэль открыл глаза.

— По возможности существовать там.

ЭЛИС задумался.

— Это не единица измерения.

— Теперь есть.

Пространство перед ним дрогнуло.

Но проход не открылся.

Наоборот.

Начала исчезать сама необходимость того, чтобы между двумя точками что-то находилось.

Сначала пропала стена.

Потом свет.

Потом ощущение глубины.

Впереди возникло не пространство.

Отсутствие требования к пространству.

Александр слышал голоса.

Сразу миллиарды.

Он отшатнулся.

— Нет.

Елена оказалась рядом.

— Что?

— Они там.

— Кто?

— Не знаю.

Он попытался закрыть доступ, как научился.

Не помогло.

Потому что это были не мысли.

Не живые сознания.

Следы.

Первый вдох ребёнка на мире, которого больше не существовало.

Последняя мысль существа, оставшегося на погибающей планете.

Радость.

Страх.

Боль.

Одиночество.

Любовь.

Миллиарды мгновений.

Не голоса умерших.

Не сознания, сохранённые после смерти.

Отпечатки того, что когда-то было пережито.

Александр пошатнулся.

— Слишком много.

Елена встала перед ним.

— Смотри на меня.

Он попытался.

— Не получается.

— Тогда слушай мой голос.

— Я слышу всё.

Она взяла его за ладонь.

— Нет. Сейчас тебе не нужно слышать всё.

Он почувствовал её руку.

Тёплую.

Настоящую.

Не воспоминание.

Не чужую мысль.

Не след давно исчезнувшего сознания.

Елена.

— Что я сейчас думаю? — спросила она.

Александр почти автоматически потянулся к её сознанию.

И остановился.

— Не знаю.

— Можешь узнать?

— Да.

— Будешь?

Он выдохнул.

— Нет.

Елена кивнула.

Шум немного отступил.

— Что видишь?

— Тебя.

— Где?

— Здесь.

— Кто ты?

— Александр.

— Идём?

Он посмотрел в исчезнувшее пространство.

Страшно.

Очень.

— Да.

— Это твоё решение?

— Да.

Только после этого она отпустила его руку.

Они вошли.

Переход исчез за спиной.

Каэль шёл первым.

Если слово «шёл» вообще имело здесь смысл.

ЭЛИС двигался рядом.

Мира — медленно, словно каждый следующий шаг приходилось совершать без помощи будущего.

Елена старалась не открывать память.

Александр учился слышать настоящее среди следов прошлого.

ЭОН оказался последним.

Александр заметил.

— Почему сзади?

— Потому что если что-то произойдёт, я хочу видеть всех.

— Звучит почти как контроль.

— Да.

— И?

ЭОН помолчал.

— Я всё равно этого хочу.

Александр неожиданно кивнул.

— Честно.

Они двигались там, где расстояние не определяло близость.

Галактика могла возникнуть рядом с ладонью.

А через мгновение оказаться недостижимой.

Елена видела след памяти звезды ещё до того, как та сформировалась.

Мира чувствовала варианты, которые никогда не станут будущим.

ЭЛИС пытался построить модель.

Каждая разрушалась.

После шестой попытки он сказал:

— Это раздражает.

Каэль повернулся.

— Мне нравится.

— Я знаю.

— Потому что ничего не можешь рассчитать?

— Именно поэтому раздражает.

— Значит, полезно.

— Твоя логика остаётся сомнительной.

— Зато ты её понял.

ЭЛИС не ответил.

Это было правдой.

Обсидиан Каэля светился.

Две точки.

Но постепенно вторая становилась ярче.

Первая тускнела.

Мира заметила.

— Каэль.

— Что?

— Первая точка.

Он посмотрел.

Связь с Талией-7 действительно стала слабее.

— Просто дальше.

— Мы только что выяснили, что здесь «дальше» ничего не значит.

Каэль коснулся обсидиана.

Подумал о Данииле.

О Софии.

О Талии-7.

О том, как Даниил обязательно скажет что-нибудь раздражающее, если они вернутся.

Первая точка вспыхнула ярче.

Каэль улыбнулся.

— Всё нормально.

ЭОН сказал:

— Пока ты сохраняешь выбранную связь.

Каэль посмотрел на него.

— Не место?

— Нет.

— Людей?

— Не только. Собственное решение вернуться.

Каэль кивнул.

Так ему нравилось больше.

Они продолжили путь.

Постепенно появился звук.

Елена остановилась.

— Слышите?

Александр кивнул.

— Не музыка.

ЭЛИС анализировал.

— Последовательность.

Мира закрыла глаза.

— Нет.

— Что?

— Голос.

Вдали появилась белая точка.

Та самая, которую Каэль чувствовал через обсидиан.

Она казалась маленькой.

Но по мере приближения становилось ясно:

маленькими были они.

ЭОН остановился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.